

**СДЕЛАНО
В СССР**

**ЛЮБИМЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

ОТПУСК С УБИЙЦЕЙ

Александр Силецкий

Сделано в СССР. Любимый детектив

Александр Силецкий

Отпуск с убийцей

«ВЕЧЕ»

2002

Силецкий А. В.

Отпуск с убийцей / А. В. Силецкий — «ВЕЧЕ»,
2002 — (Сделано в СССР. Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-7219-0

Преуспевающий столичный журналист Михаил Викторович Невский решил провести отпуск в маленьком санатории, затерявшемся в провинциальной глубинке. Но спокойно и с пользой укрепить здоровье не получилось. Сначала он вовсе закрутил роман с местной очаровательной медсестрой, а потом тихий городок потрясло известие о злодейском убийстве всеми уважаемого человека. И что удивительно, улики, собранные по этому делу, как будто неопровержимо указывали: главный подозреваемый – именно он, Михаил Невский. Теперь приятный отдых превратился в подлинный кошмар: необходимо во что бы то ни стало доказать собственную невиновность и, разумеется, найти подлинного убийцу...

ISBN 978-5-4484-7219-0

© Силецкий А. В., 2002

© ВЕЧЕ, 2002

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	38
Глава 10	41
Глава 11	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Силецкий

Отпуск с убийцей

© Силецкий А.В., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

* * *

Глава 1

Он приехал.

Поезд в последний раз дернулся и встал.

В раскрытое окно – вагон-то, слава богу, старенький, без этих модных, вечно неработающих ухищрений – мигом ворвался особый, вокзальный гомон: все спрашивали и отвечали разом, лязгали тележки носильщиков, со всех сторон гнусаво грохотали репродукторы и слышались свистки, сопровождаемые тягостно-раскатистым шипеньем, точно невесть кто, громадный, но невидимый, обиженно вздыхал...

Он не любил эту суету, традиционно связанную с высадкой-посадкой.

Ему так часто приходилось ездить по стране (без экстренной нужды он самолетами предпочитал не пользоваться), да и за ее пределами, что давно уже утратилось то восторженно-приподнятое чувство, которое испытываешь, когда поезд делает остановку и надо наконец-то выходить...

Смешно, подумал он, я и теперь воспринимаю свой приезд, как будто у меня простая деловая командировка. Но ведь нет же, нет, – отпуск!

Место от столицы, в общем, удаленное, а в расписании указано, что поезду стоять здесь черт-те сколько – целых двадцать пять минут.

Неписанный закон: чем далее от центра – тем длиннее остановки. Может, так и надо, чтоб хоть этим компенсировать синдром глубинки... Впрочем, не настолько уж глубинка: все-таки – районный центр. Но – не ближний. И таким пребудет навсегда...

Он встал и сдернул с полки туго запакованный баул внушительных размеров.

Потом надел пиджак, поправил галстук и, задвинув до упора дверь, на несколько секунд застыл перед купейным тусклым зеркалом.

Чтобы увидеть себя хорошенько, ему пришлось даже несколько подогнуть колени: ничего не поделаешь, метр девяносто восемь – не больно-то удобный рост, жизнь в основном налажена для более, так скажем, усредненных. Слава богу, лишний вес пока не тяготил, хотя бы это...

Спать в поездах, конечно, было неудобно. Но на самолетах он себя и вовсе чувствовал паршиво.

Да к тому же не в любую точку есть авиарейсы! А в глубинку добираться как-то надо...

На него из зеркала взглянуло заспанное, хмурое, с глубокими морщинами на лбу, землисто-бледное лицо, хотя и сохранившее черты неистребимой молоджавости, которая бывает свойственна довольно многим обитателям столицы в энном поколении, – лицо юнца до старости: с таким порой и хочешь выглядеть солидно, а не получается...

Поэтому, наверное, для пущей важности, и отрастил себе он бороду – довольно пышную, в кудрявых завитках, с неблагоприятными – то там, то здесь – седыми островками. Впрочем, у него все в роду по мужской линии седали очень рано, зато жили долго, вот что интересно...

И поскольку был он от рождения брюнет, то эти серебристые пучки смотрелись натуральными проплешинами, отчего вся борода имела вид вполне клочной и неухоженный.

Как, между прочим, и густая шевелюра – тоже с прядями седых волос.

Его это, понятно, удручало, ибо бороду свою он искренне любил и, вопреки поверхностному впечатлению, везде и постоянно, как мог, холил. И расстаться с эдаким богатством попросту не смел: уж слишком долго, целых двадцать лет, он прятал в бороду свое лицо – с тех самых пор, как поступил в московский университет. И патлы, малость подувядшие с годами, очень редко, если уж совсем приспичит, отдавал во власть цирюлен – эти заведения он ненавидел с детства.

«Так-то, Михаил Викторович, друг мой Невский, – поддразнил он сам себя, скептически уставясь в зеркало, – вам тридцать восемь годиков, а вы все – как мальчишка. Бородатый

и патлатый. И таким вас в гроб положат. Красота! Хотя не грех бы и подкоротить чуток. Людей пугать – зачем?»

Он задумчиво, привычным жестом прихватил бороду указательным и большим пальцами, как краб клешней, немного подержал ее, оттягивая вниз, и вслед за тем легонько покачал головой.

Потом достал из кармана пиджака красивую расческу и тщательно все причесал, а бороду затем еще помял в ладонях и, лаская, пригладил.

Все равно своим сегодняшним видом он остался весьма недоволен.

«Может, вот это недовольство – и есть симптом того, что скоро уже сорок, ну, а после сорока я понемножечку начну стареть – неожиданно, но как-то очень вяло посетовал он про себя.

– Эх, галстучек у вас шикарный... Артистический! М-да... В санаторий, стало быть? – приятельски и деловито подмигнул ему сосед, как будто на прощание уточняя двадцать раз проговоренное за предыдущий вечер.

– В санаторий. Именно. В «Зеленый рассвет». Большая кузница здоровья.

Сосед важно покивал:

– Да, это точно, дело-то полезное, да... Здоровье – это прежде всего. Ну и публика... Там, в санаториях, бедово. Я вот тоже – как-то раз... Да... Санаторий... А мне – дальше. Мне домой. Я говорил?

– Да неужели?! – не желая обижать соседа, подивился Невский. – Вы смотрите... Ну, счастливо оставаться! Рад был познакомиться.

– А это уж – взаимно. Отдыхайте!

Повесив за длинные лямки баул через плечо, он вышел из купе, миновал коридор, простился в тамбуре с проводником и не спеша спустился на платформу – очень низкую, как водится на всех такого рода станциях.

Он совершенно замотался на работе, и, когда пришла пора думать об отдыхе, оказалось, что путевок нет. Ни в Прибалтику, ни в Крым, ни на Кавказ... Впрочем, всяческие модные и шумно-людные курорты он не так чтоб и любил. И потому, едва вдруг замаячила путевка в этот санаторий (просто – шалая путевка, ведь свое отменное здоровье он покуда и не думал поправлять!), он сразу ухватился за такое предложение, резонно положив, что от добра добра не ищут.

Он любил летнюю пору – самое лучшее время года, о чем, убежденно, всем и сообщал. И если лето проходило в городе, в дурацкой спешке, в суете, в какой-то мелочной, не позволяющей свободно продохнуть работе, он считал, что год потерян до конца. А в жизни этих самых лет отпущено не столь уж много, вот в чем дело...

Было свежее ясное утро. День, как видно, предстоял покойно-знойный, нетомиительно-ленивый... Над разогревающимся асфальтом уже начинал чуть заметно колебаться воздух. Где-то, гремя цепью, одиноко гавкал сиплый пес.

Невский пересек перрон, покрытый трещинами и проросшими в них кустиками чахлой травы, и, в числе немногих новоприбывших, через ворота с ржавыми затейливыми створками чинно выбрался на привокзальную площадь – полумощенно-полуасфальтированный пятячок, со всех сторон обрамленный одноэтажными складами, заплеванного вида магазинами и какими-то мелкими конторами. Зато на вокзальном фасаде пламенел размашистый плакат: «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи». А у входа на местный главный рынок значился еще один: «Слава КПСС!» И не подумаешь, что где-то по стране уже вовсю гуляет «перестройка»...

Судя по невзрачным деревьям, которые робко выглядывали из-за крепких заборов и приземистых строений, можно было безошибочно определить, что и весь город таков, как эта вокзальная площадь, – достаточно пыльный, не слишком зеленый, разросшийся традиционно в ширь...

Слева, у ворот, стоял автобус – небольшой, ухоженный, какими обычно комплектуются автохозяйства уважающих себя домов отдыха, турбаз и санаториев.

Он влез в автобус последним.

– Эй-эй! Ну, куда?! – строго спросил со своего места водитель.

– В «Зеленый рассвет». У меня – путевка. Вы еще кого-нибудь ждете?

– Мы еще кого-нибудь ждем? – спросил водитель у всего автобуса.

Пассажиры разом зашевелились и громко загалдели, дружно обсуждая этот каверзный вопрос, но толком ничего сообщить не смогли.

– Значит, никого, – удовлетворенно сказал водитель. – Тогда – всё.

Он врубил скорость, дал газ, и автобус, лихо обогнув площадь, в клубах пыли выкатился на неширокую улицу, что вела к окраине.

Вскоре город остался позади, а вперед убегала колдобистая гравийка; дыша обильным предстоящим урожаем, вокруг простирались холмистые поля, то там, то тут виднелись разноцветные крыши далеких домов, и почти на горизонте, понемногу вырастая, замаячила длинная сине-серая полоска – лес.

Глава 2

Внезапно автобус затормозил. Передняя дверь, для порядка малость покапризничав, с поганым скрипом настезь распахнулась, и в машину легко вскочила молодая красивая женщина с белой спортивной сумкой через плечо.

Наскоро поблагодарив водителя, она поискала глазами, где бы можно сесть.

Однако все было занято – пассажирами и их поклажей.

Единственное свободное местечко оставалось в конце автобуса.

Неуклюже подобрав под себя длинные ноги, Невский сидел и смотрел, как она приближается к нему, ловко перешагивая через свертки, кули и чемоданы.

Их взгляды встретились...

На миг в нем что-то сладостно-тревожно всколыхнулось...

Хорошо заведенный механизм отпускника, в принципе готового уже и к любому необременительному флирту, и к романтическим восторгам, и к прочим светлым радостям грядущей санаторной жизни, вдруг забарахлил.

Это было то, что заранее предусмотреть нельзя. И даже – как-либо предчувствовать, пожалуй...

Не любовь, как часто повествуют и показывают, с первого же взгляда, нет, избави бог, все это пошлый вздор, придуманный взамен реальной жизни, но – с первого же взгляда – страстное желание любить.

Надолго ли, всерьез ли – не об этом разговор.

Сейчас – и непременно. А не после, по приезде, как затеяли б порядочные люди...

Так бывает. Особенно, когда душа свободна и ты, в сущности, довольно молод...

Так случилось и теперь...

Радостный импульс на секунду поглотил для него все остальное: и кто он, и куда едет, и зачем...

Он сидел, по-мальчишески глупо-взволнованный, и с тихим блаженством смотрел перед собой, чувствуя, как все внутри начинает неожиданно вибрировать – сладостно, настойчиво, нетерпеливо...

Тогда он вдруг привстал, едва не стукнувшись затылком в потолок, и, празднично топорща бороду, призывно замахал рукой: мол, двигайтесь сюда, вот здесь как раз местечко, я для вас его припас!..

Ах, каким галантным кавалером ощущал он в этот миг себя, каким неотразимым львом!..

И мысли даже не было, что девушка, возможно, через пять минут сойдет – и все его старания напрасны...

Его сейчас буквально распирало неумное желание быть с кем-то ласково-валяжным, полностью раскрепощенным и в ответ – восторженно ценимым, страстное желание искренне любезничать, ухаживать и даже соблазнять, уж коль на то пошло, – как говорят, не дела, не заботы ради, но во исполнение возвышенной идеи!..

– Не помешаю?

– Нет, ну что вы!

Автобус подпрыгнул, и она плюхнулась рядом, сказала громкое «Ой!», задев его сумкой, и тотчас же заулыбалась – приветливо, как старому знакомому...

Он рассмеялся и пригладил бороду.

– До чего милая соседка мне попалась! Здравствуйте! – сказал он тоном, будто простился со своей новой спутницей только вчера. – Ну и как?

– Все отлично. Добрый день! С приездом. Вы, наверное, к нам – в санаторий?

– И на полный срок, как говорят... Именно к вам! А вы... имеете какое-нибудь отношение?

– Я там работаю. Медсестрой. А живу здесь, недалеко. Может, вы заметили – такой большой, двухэтажный дом... Отсюда удобно ездить.

– Нет, – качнул он головой, – ничего я не заметил... Но это не играет роли.

– Я так тоже думаю. Ведь если все-все видеть и запоминать... Тогда и санаторий не понадобится.

– Х-м... – подивился он своеобразной логике своей прелестной спутницы, однако предпочел не уточнять деталей. – Может, вы и правы.

– А я редко ошибаюсь, – чуть нахально заявила девушка и весело взглянула на него. – Но если вы сюда приехали, то, значит...

– Я здоров, как бык, – не дал договорить ей Невский. – И попал сюда... ну, в общем-то, случайно. Горела путевка – и мне предложили... Какая разница, в конце концов, где отдыхать?!

– Нет, разница, пожалуй, есть... Но у нас здесь – хорошо – мгновенно спохватилась девушка. – Красиво, сытно кормят. Думаю, вы будете довольны. Разве только контингент... не слишком молодой...

– А вы? – елеинно-вкрадчиво заметил Невский.

– Я тут на работе.

– И отлично! Значит, будем общаться каждый день?

– О!.. – засмеялась она, и в этом смехе не было ни «да», ни «нет» – лишь безотчетное упоение и этим солнечным днем, и этой дорогой, и попугайчиком, и собой... – Ведь вам... не постельный же режим определяют!..

На мгновение он было смутился от внезапной двусмысленности фразы, но ощущение бездумной, праздничной легкости овладело им окончательно.

– Надеюсь, – откликнулся он ей в тон. – Надо полагать... И вообще давайте познакомимся. Или – на месте, когда потребуют путевку?

– О!.. – снова засмеялась она. – Зачем вы так? – И, церемонно протянув узкую загорелую ладошку, отрекомендовалась: – Лида. Лидия Степановна. Но это – не обязательно... Так только старички меня зовут.

– М-м, старички... – курлыкнул он. – Михаил Викторович Невский, – с важным видом поклонился он в ответ. – Хотя можно и просто – Миша. Я несколько не обижусь. Вам мои ноги не мешают?

– Нет, несколько, – простодушно отозвалась Лида.

– А то ведь, знаете, у меня рост такой... – с таинственно-глубокомысленным видом поведал он. – Чудовищный! Почти два метра. И ноги длинные, как жерди. Всем мешают. Даже мне. Особенно, когда хожу. Диваны тоже маловаты. Так вот и сижу – все дни и ночи. И никто не пожалеет... Представляете?

– Серьезно? – жалостливо удивилась его спутница.

Но тут автобус вновь отчаянно трянуло, и Невский беспомощно клонул носом в сумку медсестры.

Лидочку эта его нечаянность развеселила необыкновенно.

– Вы, наверно, из Москвы? – спросила она, прекратив наконец смеяться.

– Ага, из Москвы. А что, у москвичей у всех – так? – поинтересовался он, ужасаясь собственной пошлости. Но остановиться уже не мог – его вдруг понесло. – Пойдемте сегодня на танцы! У вас ведь есть танцы, правда?

– Подъезжаем, внимание, всем приготовиться! – гаркнул водитель, въезжая в широко распахнутые ворота. – Наш «Зеленый рассвет»! Ему равного нет!..

Глава 3

Санаторий размещался в большом трехэтажном старинном особняке, воздвигнутом покоем на пригорке, под которым не спеша текла речка Малая Тутайка – с плакучими ивами по берегам, разноцветными купальнями и пристанью для лодок.

Уже через полчаса Невский знал, какой у него номер стола, какие процедуры жизнеукрепляющего свойства – вне зависимости от здоровья – положено принимать и какой прекрасный вид открывается из окна его комнаты.

Номер был двухместный.

Несмотря на довольно ранний час, сосед по комнате куда-то испарился.

Зажав привычным жестом между пальцев бороду и слегка подергивая ее из стороны в сторону, Невский внимательно оглядел номер, однако с ходу – по вещам соседа – вычислить, кого же бог послал ему в сожители, так и не смог.

Впрочем, это несколько его не огорчило.

Он выгрузил в облупленную тумбочку и в предоставленную ему половину гардероба содержимое баула, не спеша переоделся, выкурил у раскрытого окна сигарету и, так как делать было ровным счетом нечего, а до завтрака еще оставалось время, решил спуститься со своего второго этажа на грешную землю и немного побродить по территории.

Бывшая усадьба графа Тутаева-Шобло стояла в натуральном девственном лесу. Капитально перестроенная еще в девятисотом году, за минувшие восемьдесят восемь лет она, казалось, не претерпела внешне никаких особых изменений.

Перед главным корпусом пестрели клумбы, змеились аккуратные аллеи, а против парадной лестницы, в самом центре асфальтированного пятка, жиденько плескал фонтан.

Был здесь некогда и другой фонтан – Адам и Ева под древом познания. Однако оба прародителя человеческие до того вызывающе и неприлично стыдились друг друга, прикрываясь фиговыми листками, что взбудораженная дирекция санатория, во избежание скандала, который грозили учудить исцеляющиеся пенсионеры, повелела этот фонтан безжалостно разрушить и землю на его месте перекопать под клумбу с васильками.

Густой разнообразный лес тянулся вдоль реки многокилометровой полосой, да и вбок отходил весьма изрядно. Эти заповедные места, еще с Наполеоновской кампании, любили партизаны...

На противоположном, низком, берегу – почти от воды и до горизонта – раскинулись колхозные поля. Там, возле тихих заводей, по субботам и воскресеньям, должно быть, появлялись местные на велосипедах и гремющей мототехнике, купались, загорали и с песнями пили всевозможное спиртное, расположась на сочной травке под защитой разросшихся кустов.

Сегодня был четверг и половина девятого утра – тот берег пустовал.

Невский неспешно спустился к реке, постоял на пирсе, наслаждаясь тишиной, выкурил еще одну сигарету и твердо про себя отметил, что здесь-то уж, в санатории, совершенно необходимо бросить курить – навсегда.

Собственно, нечто подобное он пытался сотворить еще пятнадцать лет назад, когда только кончил психфак университета и, волею судеб, оказался на работе в КГБ, где занимался психологией пропаганды и дезинформации. Тогда покончить с куревом не получилось...

Нет, он совсем не помышлял идти на службу в органы и даже, более того, боялся их панически, как, разумеется, и все, с кем был знаком. Но!..

Накануне защиты диплома к ним в группу появился некто и, побеседовав отдельно с каждым из троих особо успевающих студентов, предложил работу в закрытой проблемной лаборатории, недавно созданной совместно Академией наук и Минкультуры. Поскольку психологи тогда не слишком-то ценились и с распределением была проблема, а ответственный товарищ

всем сулил золотые горы и блистательные перспективы, то без пяти минут выпускники, подумав, согласились. Они даже и не представляли, кто в реальности стоит за вывеской конторы. Это уже выяснилось позже...

Но работа оказалась интересной и, на первый взгляд, несколько не ужасной, даже очень-очень нужной – для дальнейшего развития науки. Ну а ежели и возникали вдруг какие-то сомнения, их удавалось вовремя гасить – искусство не особо сложное, однако оставлявшее в душе болезненный осадок.

Двое из бывших сокурсников неважно кончили: один сошел с ума, другой с волчьим билетом вылетел на все четыре стороны и сгинул.

Невский устоял. Возможно, от депрессии и прочих неприятностей его спасла внезапно пробудившаяся страсть к восточным боевым искусствам. Изучать тогда их было негде, а в конторе, скрытно, но всесильно опекавшей их лабораторию, здоровый интерес к таким единоборствам, как ни странно, даже поощрялся. Впрочем, что ж тут странного!.. Ведь КГБ всегда был чем-то вроде рыцарского ордена, масонской ложи, члены которой могли претендовать на многое, неведомое для других сограждан... А критерии для «посвящения» определялись просто: полная лояльность к власти, инициативность и – само собой – отменный профессионализм.

Как профессионал Невский зарекомендовал себя сразу, да и пассивным, тупым исполнителем не был никогда. Что же касается лояльности, то тут, обладая несомненной актерской жилкой, он мог задурить голову кому угодно.

Родина нуждается в защите? Население страны сплошь состоит из пьяниц, дураков и тайных, но от этого особенно опасных недоброжелателей незыблемого строя? Очень может быть. Скорее даже так оно и есть. В стране, где все равны, особо нужно печься о покое и священной безопасности тех избранных, кто все же чуточку равнее... Это Невский понимал, поскольку по иронии судьбы сам оказался как бы приобщенным к этой категории людей. И был обязан до седьмого пота отрабатывать такую приобщенность...

И приятно вроде – и паскудно в то же время. Тут уж поневоле в чем угодно будешь находить отдушину и утешение, лишь бы крыша не поехала совсем... Он мог бы спиться, мог стать наркоманом, мог в конечном счете превратиться в убежденную злопамятную гниду, у которой не осталось ничего святого за душой, – такое на работе наблюдалось сплошь и рядом... Мог, удачно делая карьеру, окончательно утратить свое «Я», да бог сберег – направил на иное...

Целых девять лет он постигал премудрости восточных стилей боя и немало преуспел на этом поприще. Как утверждал его сокурсник, раньше времени лишившийся ума: «В человеке с Лубянки должно быть все прекрасно – и лампасы, и сноровка убивать одним щелчком». До позументов и больших лампасов Невский не дорос, тогда как в остальном...

Вот разве что курить не бросил, хоть и знал: искусство рукопашной схватки с этой напастью несовместимо. Ну да он в наставники не метил, утешаясь тем, что хватит для него и ремесла, а не высокого искусства.

Главным было несколько иное: понять и испытать на своей шкуре, что это такое – необыкновенное умение и вправду убивать одним щелчком...

Он даже не чурался выпивки в кругу друзей, которым в голову не приходило, кто он и чем занят. Полагали, и вполне резонно: если получает неплохой оклад, здоров, красив и диссертацию недавно защитил, то, значит, человек при деле, хорошо и с пользой сумел устроить свою жизнь, чего недурно пожелать и остальным.

Да, диссертация...

И тема-то нашлась не самая пустая: «К вопросу о психологическом обосновании вариативной восприимчивости руководителей среднего звена».

Название, естественно, дурацкое, но ежели копнуть по существу...

Высокое начальство тему утвердило без малейших проволочек – ведь оно давно уже избавилось от всевозможных комплексов означенного «среднего звена», которое теперь считало

нужным контролировать особо, дабы умственная смута пресекалась сразу, на корню и лишь проверенные кадры шли со временем «наверх».

Защита, как положено, была закрытой, оппоненты отмечали новизну и актуальность диссертации, а после был банкет в кругу понятливых коллег. Короче, внешне – очень мило, скромно и со вкусом.

Верные друзья пытались даже Михаила обженить – неоднократно, но без всякого успеха.

Так он и остался для других в какой-то степени загадкой: вроде бы рубаха-парень, свой, как говорится, в доску, а вот все же – с заковыкой...

Что ж, секретные восточные единоборства оченьгодились. Они скрашивали нервные и зачастую удручающие будни и приносили в его жизнь то здоровое разнообразие, которое не в силах были дать ни театр, ни кино, ни книги.

А в конечном счете взятое все вместе, это позволяло ему бодро и не без кокетства заявлять: «Ничто человеческое мне не чуждо». И такую «человечностью» он очень дорожил.

Новую попытку завязать с курением он предпринял много позже – через десять лет после того, как стал служить в лаборатории.

К тому моменту новые идеи поиссаяли, и работа сделалась совсем рутинной. Даже докторская – дань ученому тщеславию и повод утвердиться лишний раз в глазах коллег и всяческих больших функционеров – как-то не высвечивала в обозримой перспективе.

Это понимало и начальство. Именно оно и предложило Невскому сменить немножко профиль и попробовать себя на телевидении – благо и эфир всегда нуждался в знающих, проверенных, толковых кадрах.

И вот здесь-то Невский наконец почувствовал себя в своей стихии.

Хотя «недреманное око Лубянки» продолжало пристально следить за каждым его шагом и за каждым его словом, все-таки, с формальной стороны, начальство как бы поменялось, и Невский поневоле это ощутил.

Поначалу осторожно, а затем все с большим увлечением и свойственной ему основательностью он начал разрабатывать познавательные программы по психологии, социологические передачи-диспуты и разные «круглые столы», куда приглашал нетривиально мыслящих специалистов и где сам частенько выступал в роли ведущего. Одновременно стал пописывать в газеты и журналы, и оказалось вдруг, что у него это недурно получается. Во всяком случае насчет того, как выглядит статья, ни у кого не возникало нареканий. Спорили по поводу идей, изрядно смелых и во многом непривычных, да по поводу иных пассажей, чересчур двусмысленных или, напротив, слишком откровенных. Впрочем, смелость эта, что, естественно, не принималось во внимание оппонентами, была, по сути, напускной и двадцать раз перепроверенной и утвержденной – там, наверху... Ему как человеку неофициально очень государственному позволялось говорить такие вещи, за которые другой бы журналист или писатель тотчас поимел бы массу неприятностей. Зато почти немедленно за ним заглазно утвердилась репутация отчаянно отважного ведущего и публициста, едва ли не борца с режимом, знаменосца оппозиции...

Правда в отмеренных дозах – это та же неправда, только в иной упаковке. И зовется она очень просто: «деза».

А уж по этой части Невский был большой специалист.

Но он считал, что лучше так, чем вообще никак. Крупицы правды можно подобрать, соединить, и дело новых поколений социологов, историков, юристов – собранное вместе заново осмыслить, дать ему разумную оценку.

Грустно, разумеется, что современникам такое не дано.

Отчасти они сами виноваты, а отчасти – как бороться с хорошо отлаженной машиной государства?!

Тут ведь даже не известно, с чего надо начинать, где самый корень зла...

Вот потому-то Невский на рожон не лез, а просто выполнял свою работу, как психолог точно зная, где в умах начальства – вне зависимости от его масштаба – есть слабинка... Да, что-то ему позволяли, а что-то, естественно, нет, но позволяли то, что требовалось именно ему – в конкретной ситуации, в конкретный момент и в конкретных пределах, разумеется. Ибо он знал не только, как правду превратить в неправду, но и как в дезинформацию, дав в нужном месте скрытый ключ, вложить существенное содержание, которое впоследствии умелый, знающий исследователь сможет точно распознать. А дальше уж – его научные проблемы... И проблемы его совести.

Так или иначе, все у Невского пока шло хорошо. На взгляд сторонних наблюдателей – жизнь удалась.

А базой в этой жизни, сколь бы нелепо и смешно такое ни звучало, были три огромных «не».

Он не женился, не охладел к восточным боевым искусствам и не бросил навсегда курить.

Обретенная известность ничего, по сути, не переменила, разве что последние пять лет выкуривал он, словно и не замечая, две-три пачки в день... Причем – кубинских сигарет!

Теперь он вознамерился покончить хоть с последним «не». А там уж – как судьба распорядится... Да и место нынче подходящее: ведь санаторий же, сам бог велел!..

Немного поглядев на воду, он вернулся к главному корпусу и чинно обошел его по круговой аллее.

Кажется, я тут действительно неплохо отдохну, решил Невский, и ну их к черту, все эти московские дела, незавершенные визиты, нудные переговоры, телефонные звонки... Я нагуляюсь, накупаюсь, надышусь хорошим воздухом, позагораю, соблюду диету, отосплюсь – короче, почти месяц праведной и непорочной жизни.

Тут он вспомнил недавнюю поездку в автобусе, и вновь какая-то сладкая волна подкатила к груди.

Он испытал внезапно чувство странного, неизъяснимого удовлетворения, как будто и это отныне становилось неотъемлемой частью его отдыха, беспечного, бездельного, доброго, – вот, вот чего он ждал теперь от всех грядущих дней, неважно, солнечных или дождливых: они будут добрыми, как и этот день, который только начинался...

Глава 4

Тем временем настала пора завтракать.

И тотчас этот, еще пять минут назад будто вымерший, корпус разом пришел в движение: захлопали повсюду двери, загомонили голоса, глухо затопали по коврам коридоров десятки проснувшихся, полных энергии ног...

Невский толкнул парадную дверь и вновь очутился в прохладном вестибюле – роскошном, с высоким сводчатым потолком, украшенном лепниною, с паркетом, выложенным разными сортами дерева, с широкой мраморной лестницей, которая, мягко изгибаясь, уносилась к верхним этажам, с потускневшим от времени огромным, в бронзовой оправе, зеркалом...

Кивнув шутливо собственному отражению, Невский тотчас повернул направо – в санитарскую столовую.

За отведенным ему столиком уже сидели трое: две женщины и мужчина.

Есть во всех домах отдыха, в любого ранга санаториях и на курортах эдакая удивительная категория людей, повсюду появляющихся первыми, – как будто вечно их терзает опасение, что в чем-то их уж непременно обделят, чего-то там недодадут, а то, глядишь, и вовсе облапошат, так что надо быть все время начеку и быстро упреждать очередную каверзу судьбы. Такие личности всегда приходят незаметно, а потом пытливо-терпеливо ждут...

Невский вежливо кивнул своим соседям и занял пустующее место – у прохода.

Над столом повисло цепкое, гнетущее молчание.

Невский поерзал на стуле, располагаясь поудобнее, затем с немалой церемонностью пригладил бороду и, чуть склонив голову набок, не таясь, внимательно-безразлично оглядел каждого из сотрапезников.

Мужчина как-то сдавленно вздохнул и начал нервно поигрывать вилок.

На вид ему было лет под семьдесят. Еще крепкий, жилистый и загорелый, он был одет в цивильную пижаму – то есть в нечто сатиновое мундирно-спального покроя, ядовито-канареечного цвета, однако без доисторических полос. Выражение носатого лица имел настырно-плаксивое – подобных типов Невский беспричинно недолюбливал всегда.

Женщины смотрелись сущими двойняшками: обе – лет шестидесяти, может, чуть побольше, крупно-дородные, фальшиво-облондиненные, подрумяненные, в почти одинаковых розовых, без выреза, на пуговках до горла платьях – только у одной был слева приколот золоченый паучок, а у другой справа – серебристый жучок.

Они сидели и томно шевелили подведенными бровями, со смиреньем опустивши взоры долу.

Потом, истомившись и якобы незаметно, сняли туфли под столом и кротко одернули края рыжей скатерти.

– Г-мм... – сказал Невский с тихим, но отчетливым неодобрением. – Г-мм... Э-э, м-да...

Мужчина воспринял это как ненавязчивое приглашение к знакомству и началу замечательно-толкового застольного разговора и оживился.

Он выпрямился на стуле, отложил вилку и преданно посмотрел на Невского. Тот сделал вид, что ничего не заметил.

Не то чтобы ему совсем уж неприятно было вступать в разговор – просто эдакую публику он знал неплохо и не видел никакого интереса для себя в общении с нею.

Все же годы известности и вращения в достаточно элитных сферах наложили на него печать: он сделался в определенном смысле снобом...

Многим это нравилось...

– Сегодня поступили, да? – решился наконец сосед и улыбнулся, обнажая белоснежные вставные зубы.

Невский сдержанно кивнул.

– А я тут – целую неделю. Превосходно! Каждый день, перед обедом, бегаю – от дома и до дуба. Видели дуб? Такой весь из себя – толстовский, чудо!..

– Где?

– Как – где?! На территории! Мне за территорией делать нечего, совсем. Я, значит, бегаю до дуба. Иногда – обратно... Моя фамилия Лазаретов, – сосед церемонно привстал со стула и протянул Невскому твердую ладонь. – Прошу не путать с Назаретовым. Меня всегда путают. Ха-ха!.. Буквы, знаете, переменяют. А я не обижаюсь. Я – Лазаретов. Бегаю до дуба, каждый день. Вы не бегаете, нет?

– Увы. И, кажется, не собираюсь.

– Жаль, – огорчился Лазаретов. – А то бы – вместе... Да. Вас, кстати, как зовут?

– Невский. Михаил Викторович.

– Богатая фамилия. Историей пахнуло... Исключительно приятно! – умилился Лазаретов.

– А я – Виолетта Прохоровна, – тонким голосом сказала дама, что сидела справа. – Очень хорошо.

– Что – хорошо? – не понял Невский.

– Вообще... Так интересно жить! Особенно теперь...

– Жить интересно, милочка, всегда! – сварливо отозвался Лазаретов. – Вот как сбегаете до дуба...

– Дался он вам, этот дуб!.. Неужто ни о чем другом нельзя поговорить? Ведь каждый день...

– Да, каждый день! Покуда не помру.

– Илья Ефимович, ведь вы же за столом! – страдая, возмутилась Виолетта Прохоровна. – Зачем же портить людям аппетит?!

– Уж вам испортишь, – тихо огрызнулся Лазаретов.

Дама, что сидела справа, наконец дождалась паузы и почти что басом отрекомендовалась:

– Евфросинья Аристарховна. Очень рада познакомиться. Я с детства вообще-то – Вильгельмина Хрюковна Пулярко, но знающие люди посоветовали мне имя-отчество сменить. Ну... чтобы было проще... Помните: борьба с космополитами, такое непростое время?.. А фамилия – красивая. Она осталась. Видите, как в жизни происходит?..

Невский покивал в ответ: мол, вижу и сочувствую от всей души, а сам подумал: «Проще... Не один ли дьявол – Евфросинья, Вильгельмина... Тоже мне, сподобилась! И отчество какое приспособила себе – взамен родного... Неужели ее папочку и вправду звали Хрюком? Вот имена дают на матушке-Руси!.. Да я б из принципа такое отчество оставил!»

– Из столицы пожаловали или как? – меж тем задумчиво спросил Лазаретов.

– Из Москвы. Собираюсь подлечиться.

– Такой молодой – и уже в санаторий, – жалостливо молвила Виолетта Прохоровна.

Лазаретов тотчас же воспрянул духом и раскрыл было рот, чтобы толково и подробно обсудить столь занимательный и во всех отношениях поучительный вопрос, однако, к счастью, разговор на том прервался.

К их столу, так что они даже не слышали, подошла официантка с подносом.

Невский поднял глаза и тут с удивлением обнаружил, что перед ним стоит Лидочка, недавняя его попутчица.

– Ну вот. Еще раз – с добрым утром, – сказала она, мило улыбаясь.

– Да уж с добрым, это – непременно, – отозвался он. – Но... как же так?..

– Что делать, – вздохнула она. – Отдыхающих много, а подавальщиц не хватает. Не вводить же самообслуживание! Вот и приходится помогать. А вы небось решили...

– Вовсе нет, – пожал плечами Невский.

Этот разговор Евфросинья-Вильгельмина Аристарховна выслушала с крайним неодобрением, однако промолчала.

Было ясно: эта смиренная женщина из тех, кто блюдет нравы. Постоянно и везде, ревниво. Активистка-комсомолка старой, еще сталинской закваски...

Без таких отчаянных людей наш грешный мир перевернулся бы давно...

Невский – при взгляде на них – всегда испытывал благородное чувство, родственное зубной боли...

– Между прочим, мой покойный муж, – все-таки не выдержав, невпопад сказала Евфросинья Аристарховна, печально поджимая бантиком накрашенные губы, – Свистунов-Морденко – может быть, слышали? Первую-то часть фамилии он после выбросил – звучала несолидно... Так он был казенный человек, и в общем-то – немаленький! Служил в Наркомтяжпроме, грампластинки выпускал. Вот это был смельчак! Однажды – тайно, без начальского приказа, даже не согласовав ни с кем, не посоветовавшись! – изготовил целую пластинку, настоящую, и на нее наговорил сто двадцать раз – сам, лично: «Слава товарищу Сталину!» Вот это да!..

– Ну и что? – дипломатически не понял Невский.

– Батенька вы мой, я прямо поражаюсь вам!.. Так ведь в то время и такое – на секретную пластинку!.. Ну а если б кто проведал? Это же геройство, редкая отвага! Я потом не знала, что и делать, как он все мне рассказал, я даже заготовила письмо на случай: мол, прошу винить кого угодно, только не его, родного... Но, бог миловал, сошло... Теперь я уж девятый год вдова, – она прикрыла веки и легонько их потерла кончиками пальцев. – Но – ни-ни! Не позволяю ничего себе, – и она цепко оглядела всех сидящих за столом.

– Вы-то, матушка, не позволяете, да ведь и вас никто не спрашивает! – усмехнулся Лазаретов.

– Оттого-то все и получается вот так, – вздохнула Евфросинья Аристарховна. – Всюду – шуры-муры, а отваги – ни на грош! Мой покойный муж, Свистунов-Морденко...

– Ах, – сказала Лидочка с оттенком раздраженного презрения, – сколько можно?!

– Вас, голубка, и не заставляют слушать, если не хотите, – вспыхнула вдова. – Здесь совершенно новый человек, а вот ему полезно знать.

– Полезно, – покивал, чуть улынувшись, Невский. – Безусловно так. Я уже чувствую, мне многое здесь может быть полезно.

Он откинулся на спинку стула и, как будто невзначай, игриво посмотрел на Лидочку. Та, сделав вид, что ничего не замечает, со старанием смахнула крошки со стола в пустой поднос.

– Приятного всем аппетита, – напоследок ласково мурлыкнула она.

Едва Лидочка удалилась, соседи по столу немедленно взялись за дело.

Ели – сказать мало. Употребляли подчистую – целеустремленно и не смакуя.

Ожесточенная была трапеза, без малейшего уважения к продуктам.

Ибо заплачено – и точка.

Невский только диву давался.

Сам он ел рассеянно, искоса наблюдая, как Лидочка движется по залу, любясь легкостью и ловкостью ее движений, ее независимой осанкой, выражением лица...

Несколько раз, словно ненароком, взгляды их встречались – и тогда она приветливо-сердечно улыбалась...

Уже выходя из зала, он чуть задержался на пороге и обернулся.

Он разглядывал незнакомые лица сидящих и пытался определить для себя, с кем же из всей этой исцеляющейся братии ему хотелось бы делить остальные дни, водить курортную дружбу, коротать тихие часы за не обязательными вовсе, но вполне интеллигентными беседами.

Лидочка – прекрасно. Но только она одна на отдыхе – это невозможно.

Именно так.

Кто-то должен быть еще – эдакий солидный и душевный компаньон для всеобщего обозрения...

Не Лазаретов же, день изо дня стремящийся к какому-то там дубу!..

Наконец, как ему показалось, он нашел.

Подходящий субъект сидел в дальнем углу, почему-то один за столом.

На вид ему Невский дал лет сорок, года сорок два – не более. Почти ровесник.

У человека были длинные нервные пальцы, умный, но какой-то беспокойно-настороженный взгляд, скупые, аккуратные движения, скептическое выражение лица, рыжие усы подковой и франтоватые, ровно подстриженные полубачки, чуть тронутые сединой. Плюс – давно уже не модная прическа «мы в Малаховке – битлы». Вполне культурное лицо.

Выделив его из общей массы, Невский привычным жестом защемил бороду, обдумывая, как лучше представиться грядущему компаньону и, главное, когда – прямо сейчас или немного позже, однако так в итоге ничего и не решил и, мудро предоставив дело случаю, собрался со спокойной совестью идти к себе – за новой пачкой сигарет.

Да и с соседом познакомиться не грех – вдруг наконец-то объявился!

В вестибюле, возле самой лестницы, он столкнулся нос к носу с Лидочкой.

Она уже успела снять кокетливый передник и крахмальную наколку, зато была в белом халате – очень строгом, как и полагалось ей по штату.

– Ну, интересно вам у нас? – приветливо спросила она.

– Пока прекрасно. Все – прекрасно. По-моему, здесь можно славно отдохнуть.

– Еще бы! – живо согласилась она. – И даже, между прочим, подлечиться.

Невский беззаботно хохотнул:

– Вот уж на что, на что, а на здоровье я не жалуясь! Бог миловал пока.

– Ну, болячки-то легко найти у каждого. Если очень надо. Или просто хочется... А что вы видели?

– Уже довольно много. Парк, дом, речку, лодочную станцию. Вас вот... Кстати, у вас нет желания развлечься, прокатиться в лодке, а?

Лидочка с недоумением взглянула на него:

– Прямо сейчас?

– Да почему же именно сейчас?! Скажем, после обеда...

– Я бы с удовольствием, но... Все зависит от больных... В другой раз целый день отбою нет – этой дай таблетки, этому сделай укол... Такие привереды!.. Вы загляните ко мне. Наш кабинет на первом этаже, прямо по коридору – и последняя дверь налево.

– Договорились. И еще один вопрос... Вы не знаете, кто это вон там сидит?

Он кивнул в сторону усатого мужчины, который был виден в дверной проем.

– Да это же ваш сосед по комнате! – всплеснула руками Лидочка. – А... вообще-то он у нас – массовик-затейник, – и, встретив непонимающий взгляд Невского, она пояснила: – У нас такого в штате нет, а он сам предложил свои услуги. На общественных началах.

– Играет на баяне, сам водит хороводы, сам же песенки поет – усмехнулся Невский. – Веселый мне достался сосед! Надеюсь, не поссоримся. Что ж, ладно... Значит, решено: после обеда захожу за вами.

Раскланявшись с Лидочкой, он быстро поднялся к себе в номер, чтобы взять про запас непечатую пачку сигарет. К тому же не мешало вновь переодеться: во фланелевой ковбойке становилось жарковато.

Все вещи в шкафу лежали в полном порядке – каждая на своем месте.

Все вещи, кроме одной...

Его с молодых, как говорят, ногтей любимый синий галстук с золотым драконом – предмет зависти периферийных снобов – бесследно исчез.

Глава 5

После обеда недомоганием, слава богу, никто не страдал, и медицинский кабинет был пуст.

Лидочка, для пущего порядка, с минуту поупрямилась, мило и обезоруживающе улыбаясь, а потом решительно повесила в шкафчик свой белый врачебный халат, заперла дверь и с легким сердцем отправилась на пирс.

– А если нас увидят вместе? – спросила она, внезапно останавливаясь.

– Вас это волнует? – пожал плечами Невский.

– Все-таки... А впрочем, это ерунда. Пошли!

Они спустились к реке.

Некоторое время, пока он, смешно раскорячив колени, чтобы не мешали, искусно, как ему казалось, отгребал от берега, Лидочка молчала.

– Ну, – сказала она наконец, – что же вы меня не развлекаете?

– Сейчас... – рассеянно пообещал Невский, мерно работая веслами и одновременно соображая, что бы ей завернуть такое, для начала особенно смешное. – Вы... замужем? – неожиданно спросил он.

– Откуда вы это взяли?

– А у вас светлая полоска на пальце. Вероятно, вы часто снимаете и снова надеваете свое кольцо. Полоска малость загорела, но все равно след виден.

– От вас не скроешь, – вздохнула она.

– Ничего, – качнул он головой, – я не подвержен предрассудкам.

– Но зато другие... Знаете, какие бывают длинные языки?! Особенно в таких местах...

– Надеюсь, мы не будем становиться возле какой-нибудь замочной скважины, чтоб все могли нас хорошенько рассмотреть, – спокойно заметил Невский.

– Это зависит от вас, – лукаво сообщила Лидочка. – Разве нет?

– Ну, до какой-то степени, – согласился он.

– Вы обещали меня развлекать, – чуть недовольным тоном потребовала его спутница.

– Ах, да, вы правы... – спохватился Невский. – Хотите интересный анекдот?

– Вот так, – вздохнула Лидочка, – все с анекдотов начинается и ими же кончается...

– Нет, я ведь не настаиваю!

– Ладно уж. Собрались – расскажите. Что теперь с вами поделаешь!..

– Загадка армянского радио...

– Очень свежо! – хмыкнула Лидочка.

– Так вот, загадка, – игнорируя ее реплику, продолжил Невский. – Что это такое: в одно ухо влетает, а в другое – вылетает?

– Ну? Не знаю.

– Лом, – лаконично поведал Невский.

– Какой кошмарный анекдот! – ахнула Лидочка, всем своим видом демонстрируя, что ей нисколько не смешно. – Это ж придумать надо!..

– А по-моему, совсем и неплохой, – не согласился Невский. – Очень даже тонкий анекдот, с подтекстом. Несмотря на грубый лом...

Он всегда, знакомясь с новыми людьми, стремился для начала как-то ошарашить их, а уж потом смотрел на их реакцию и для себя определял, на что способен данный человек, что ему можно, что – нельзя... Весьма коварный тест, но результат давал почти мгновенно.

– Все равно, – упрямо заявила Лидочка. – Так с дамами не шутят. Лучше бы уж про Чапаева или про чукчу – там хотя бы нету этой жути.

– Хорошо, – пообещал Невский, не скрывая легкого сарказма, – завтра, когда мы снова поедем кататься на лодке, я расскажу вам что-нибудь другое.

– А сегодня? – растерялась Лидочка.

– На сегодня мой репертуар иссяк.

– Какая жалость! Я, наверное, обидела вас, да? Не поняла – и требую чего-то...

– Это ваше право, – с важным видом сообщил он.

А сам подумал: в общем-то она такая, как и все... И что я вдруг себе вообразил?! Красивая кокетка – уж что есть, то есть. Искательница приключений? Вряд ли, эдаких я научился различать. Просто избалована вниманием мужчин и знает себе цену. Может, это даже к лучшему... С такими, безусловно, интереснее.

– А вы? – неожиданно спросила Лидочка, явно стремясь уйти от скучной ей дискуссии.

– Что – я?

– Вы женаты?

– Нет. И не был никогда.

– Почему? – искренне удивилась она.

– Да так, знаете... Не приспособлен я, наверное. Все время что-то не срабатывало. То дела, то попросту какие-то сомнения одолевали...

– Ну и зря! – убежденно сказала Лидочка. – С женщинами нельзя сомневаться. Они это чувствуют сразу. А когда вы наконец решитесь, женщина уже не ваша.

– Что ж... – Невский сделал еще пару энергичных гребков и на время поднял весла из воды, пуская лодку плыть по течению. – Постараюсь ваш совет учесть.

Он смеясь посмотрел на Лидочку.

Та вновь доверчиво улыбнулась.

Он пытался понять, что же кроется за маскою этой невинной улыбки – да и была ли это осознанная маска на самом-то деле?!

Но у него не получалось...

В его способности непринужденно проникать в чужие души что-то не сработало на этот раз...

Возможно, он слегка перемудрил, непроизвольно пожелав увидеть в ней, ну, скажем, ровню...

А на самом деле надо было проще, без затей!

Ничто в ее лице не говорило о заведомом, расчетливом лукавстве, о притворной простоте – неиспорченный взрослый испорченный ребенок, вдруг подумал он, есть над чем на досуге поразмыслить.

Легкий открытый сарафан нежно-голубого цвета чудесно гармонировал с ее загорелыми руками, шеей и плечами. Смуглые округлые щеки приобрели на солнце какой-то особенный, золотистый отлив...

Батюшки, какие все тут загорелые, невольно подумал Невский, ну, прямо южный курорт! Красотища! А что, и я могу уже через недельку стать таким же, и не хуже, очень даже запросто. Вот буду купаться, загорать, кататься на лодке каждый день... Беседы по душам – с моим мас-совиком-соседом, а все остальное... Чудная девчонка! Черт возьми, а я ведь еще нравлюсь! По глазам же ее вижу... Ну, не будем торопить событий. Отпуск только начался.

Он стянул с себя футболку и подставил спину под палящие лучи.

– Мне нравится здесь, – сообщил он. – Нет, честное слово! Благолепие, покой, раздолье... И совсем не скучно. Любят все друг друга...

На секунду облачко какой-то настороженности и тоски скользнуло вдруг по ее лицу.

Мелькнуло и – пропало. Будто наваждение...

– Да, не скучно, – чуть изменившимся голосом подтвердила Лидочка.

Невский внимательно посмотрел на свою спутницу и сокрушенно качнул головой.

– Не слышу ответного восторга, – заявил он. – Может быть, я снова что-нибудь не так сказал?

– Наоборот, всё так, – пожала Лидочка плечами. – Все друг друга любят...

– Может, с мужем поругались? Не сейчас – давно... А что-то гложет... И потом... это кольцо – туда-сюда... Ведь просто так, на солнышке-то, не снимают. Как у вас дома обстоят дела? Или мне только кажется? – он царски-испытующе взглянул на Лидочку. – Значит, кто-то вас поддел сегодня на работе, а? Вы, ради бога, извините мне мою бестактность...

– Нет-нет, ничего страшного. Вам – можно... – она тряхнула головой, точно отгоняя невеселые мысли.

– И все-таки? – допытывался он.

С молодых ногтей невероятно любопытный, Невский знал, что это рано или поздно до добра не доведет. Но ничего с собою он не мог поделать! Словно бес какой в него вселялся, когда хоть мало-мальская загадка возникала перед ним. А тут еще срабатывали навыки дотошливого профессионала, начинался комментаторский, с подвохом, зуд...

– Ну, как сказать... – Лидочка немного помолчала. – На работе у меня как раз порядок, нет проблем... Попробовал бы кто-нибудь обидеть! А все ли дома хорошо? И да, и нет. Муж в принципе хороший человек, достойный, вот только я его... ну, не люблю. Просто посватался однажды... Бывает же ведь, правда?! – она подняла на него свои большущие зеленые глаза, будто и впрямь удивляясь такому положению вещей. – Иногда не очень рассуждаешь... А когда и вовсе молодая... Шесть лет мы вместе. Шесть. Уже!

Невский было сделал выразительный произвольный жест рукой, но Лидочка его упредила, догадавшись, какой последует вопрос.

– Детей у нас нет. Я не хотела. И теперь не хочу. От него – не хочу.

– Вам, разумеется, решать, – со вздохом согласился Невский. – Дети требуют любви и ласки... Отчего же вы не разведетесь? Нынче это просто.

– Просто... Он любит меня. Очень любит... А я, наверное, уже привыкла. Да, скорей всего. И потом...

Она умолкла, отчужденно глядя в воду.

– Ну?! – подбодрил он.

– Не знаю, – развела она руками. – Я... не могу вам объяснить... Не обижайтесь.

– Ради бога! О чем вы говорите?! – Невский с прежней силой налег на весла. – Это вы извините меня. А... кем работает ваш муж?

– Директором завода. Разумеется, в Москве у вас заводы не такие... Но для наших отдаленных мест...

– Не слишком-то и отдаленных, – хмыкнул Невский. – Зато здесь ваш муж – заметная величина. И, надо думать, всеми уважаемый человек.

– Возможно, – согласилась Лидочка. – Но и недругов у него хватает. И на заводе, и в городе. Городок-то ведь небольшой – все как на ладони.

– Помилуйте, у кого на этом свете нет врагов?! – делано рассмеялся Невский. – Даже у покойников находятся завистники... Это вполне естественно. У меня тоже недругов – ой-ой!

– Правда? А вы кто? – полюбопытствовала Лидочка.

– Историк. Преподаю в университете, – равнодушно соврал Невский.

Конечно, она может и проверить, это, в сущности, несложно, ну да ладно. Будет сюрприз.

А ведь могла бы и узнать в лицо, с оттенком уязвленности подумал Невский. Телевизор-то, поди-ка, смотрит!.. Впрочем, не исключено, такие передачи ей неинтересны. Да к тому же сложные программы запускают только днем, по будням, когда люди на работе...

Он не любил распространяться о своей профессии, поскольку на собственном опыте давненько уяснил: едва отдыхающим становится известна правда – хоть караул кричи, отбою нет

от разных дурацких вопросов и настырных требований рассказать что-нибудь скабрезно-занимательное из его газетно-телевизионной практики.

Почему-то на отдыхе, когда нечего делать, всех непременно начинают интересоваться подробностями из жизни «сливок общества». И непременно – в рамках слухов и дешевых сплетен, каковые постоянно бродят по стране...

Ну а лишь только выясняется, что он и за границей был, и не простым туристом... Всё! Он – пуп земли, он – центр любой компании, и отдых для него – закончен. Роль добровольного массовика-затейника его всегда пугала...

Случалось, правда, обращались к нему с просьбами: то разрешить какую-то житейскую проблему, то приструнить кого-то из начальства – мол, когда вопрос звучит по телевидению, просто так от дела отмахнуться невозможно... Он и впрямь порою помогал, но в основном – по мелочам. Действительные беды и заботы жителей страны не доходили до эфира – их отсеивали сразу и наверняка.

Лидочка с уважением посмотрела на Невского.

– А расскажите что-нибудь еще, – невинно потребовала она. – Но только не анекдоты. А то – всё обо мне да обо мне... Ну что хотите!

– У меня сегодня галстук украли, – с готовностью поведал он.

– Где? – испугалась Лидочка.

– Здесь, в номере. Возвращаюсь с завтрака, а галстука – и нет.

– Не может быть! У нас еще сроду такого не случалось. И подумаешь, ценность какая – галстук!.. Может, сами сунули куда-то?

– А куда? У меня нет привычки разбрасывать вещи. Для каждой должно быть свое место – так с детства приучили. Я весь номер обыскал, все в гардеробе перерыл... А галстук, кстати, редкий. Синий такой, с золотым драконом... Уже сто лет не в моде, а – люблю. Впрочем, вы видали его на мне, когда мы ехали со станции!

– Да-да, я, кажется, припоминаю... – Лидочка наморщила лоб, точно и в самом деле усиленно вспоминала. – С золотым драконом... Очень красивый...

– Вот-вот, – подтвердил Невский.

– На вас еще отдыхающие все посматривали...

– Еще бы, каланча какая – дядька метр девяносто восемь! – усмехнулся Невский.

– Да не только это, не только рост... – смутилась Лидочка. – Вы вообще весь из себя... такой видный, элегантный, не похожий на других...

– Благодарю добрейшую сеньору! – церемонно поклонился Невский, чуть не опрокинув лодку. – Рыцарь подан, он к вашим услугам. Когда заказывать турнир?

– О!.. – засмеялась Лидочка знакомым волнующим смехом, словно ей в эти мгновения вдруг сделалось безумно хорошо... – Но... это ужасно! – заявила она.

– Простите, что? – не понял Невский.

– Галстук. Даже не он – вся эта история! Просто кошмар. Если вы, конечно, не придумали нарочно, чтобы напугать меня... Ума не приложу...

– Я тоже.

– И не представляю, как помочь вам... Нет, вы точно не придумали?

– Да будет вам, – отмахнулся Невский. – Чего ради мне пугать вас? К сожалению, все правда. Да найдется где-нибудь! Не сосед же его взял...

– Ну, этот честный, – убежденно подтвердила Лидочка, – он никогда не тронет...

Так, болтая о том, о сем, а все больше о разной ерунде, они продолжали кататься, не удаляясь, впрочем, слишком сильно от причала.

Тут Лидочка – к слову – сообщила, что ей безумно хочется быть богатой. Не на зарплату мужа, в общем-то, немаленькую, а – *совсем* богатой...

– Ну так – дерзайте! Кто же вам мешает? – Невский лукаво глянул на нее.

Подобные разговоры его всегда смешили.

Потому что сам он зарабатывал кучу, однако вечно не хватало: тратился он упоенно, с лютой быстротой. И если бы хоть треть откладывал про черный день... О, что бы было, сколько бы собрал!..

Зато друзьям любил давать советы...

– Кто мешает? – Лидочка вздохнула. – Даже и не знаю... Но у нас всё как-то... Хотя... вон – другие... Только это, знаете, так сложно... И опасно. Я хочу, чтоб честно. Например, выиграть много-много в «Спортлото».

– Тогда купите много карточек. Тут и ребенок справится. Ну и угадывайте на здоровье!

– Муж все время покупает, – развела руками Лидочка, – но никогда еще, ни разу... Чудик просто, всегда одинаково их заполняет, с самого начала, говорит, какая-то теория для этого есть. Как же называется?... Забыла. Все равно не вспомню... Он и теперь купил полсотни, я же видела. Да толку-то?! Знаете, какие номера он зачеркнул?

– Не представляю, – с нарочитой серьезностью откликнулся Невский. – Это слишком сложно для меня. Ребенок справится, а я вот – нет.

– Вы смеетесь, – Лидочка обиженно надула губки. – Небось ни разу не играли, жалко было денег... А я действительно переживаю. Вдруг повезет? Ну, хоть один-то разъединственный разок!.. Я вам сейчас скажу. Номер пять, семнадцать, тридцать один, тридцать четыре, сорок два и сорок семь – вот! Я уже их даже ненавижу, эти цифры... Шесть-то лет подряд!.. Но он молчит. Выходит, опять – ничего. Я его знаю. А у вас нет газеты с тиражом?

– Нет. Вы правы: я в эти игры давно перестал играть. Мне, как и вам, не везет.

– Совсем? – недоверчиво спросила Лидочка.

– Ну, почему же... Иногда отчаянно везет. Вот, например, теперь... Я встретил вас, чего же боле...

– Ладно-ладно, – словно подзадоривая, усмехнулась Лидочка. – Тоже мне, везунчик! Поди, вы каждой симпатичной девушке...

– Нет, только вам! – торжественно и пламенно заверил Невский, явственно почувствовав, что эта его маленькая ложь пускай для спутницы и очевидна, но и некоторым образом приятна.

Видно, ей самой не очень-то хотелось упускать его. А что тому причиной – господи, какая разница!..

– Я посмотрю еще, как вы себя тут будете вести, – шутливо пригрозила Лидочка. – Учтите! Вообще-то я ужасно уважаю тех, кому везет...

– И кто не хочет этого скрывать! – добавил важным тоном Невский.

– А зачем тогда знакомиться? – игриво потянулась Лидочка. – Я разве не права?

«Так все же – кто кого здесь охмуряет, если толком разобраться? – неожиданно подумал Невский. – Впрочем, ладно. Ей зачем-то надо – ну и пусть. Я тоже... отдыхать приехал. Можно и расслабиться чуть-чуть».

Меж тем из-за колхозных полей незаметно выдвинулась мощная сиреневая туча.

Редкие купальщики, несмотря на будний день, все-таки обосновавшиеся на противоположном берегу, заволновались и стали торопливо одеваться.

– Сейчас полет, – с досадой заметил Невский. – Поехали назад?

Лидочка, обернувшись, высматривала что-то на санаторском берегу.

Невский проследил за ее взглядом.

У самой воды, полускрытая листвой довольно чахлого кусточка, стояла, зорко наблюдая за происходящим у реки, Евфросинья Аристарховна – его соседка по столу.

До нее было метров пятьдесят, а то и семьдесят, и с точностью определить, куда она глядит сейчас – на них или, положим, просто в даль, – отсюда было невозможно.

– Что-то вас беспокоило? – на всякий случай поинтересовался Невский.

– А то нет! – с досадой отозвалась Лидочка. – Вот, мымра чертова, стоит, шпионит! Надоела уж!..

– За вами?

– Может, и за всеми остальными, я не знаю... – Лидочка сердито повела плечом. – За мной – так точно. Прямо ходит по пятам.

– И давно?

– Да с первого же дня заезда!

Невский, делано нахмурясь, привычным движением зажал бороду между большим и указательным пальцами, как будто собираясь сдвинуть ее набок, чтобы не мешала, и с неодобрением крякнул. Эти дамские интриги он всегда ни в грош не ставил.

– А с чего, простите, вдруг? Ведь просто так... Была, наверное, причина?

– Н-ну... – слегка замялась Лидочка, – я здесь, в реке, купаюсь – ближе к вечеру, когда все идут полдничать. Нашла себе местечко поукромней, ну и... голая купаюсь. Это так приятно!.. И полезно. Санитар наш, Николай, об этом где-то прочитал. Да и самой мне кажется... Короче, нервы успокаивает. Даже веселит.

– Я с вами полностью согласен, – отпуская бороду, поддакнул Невский. – Это просто прелесть! Ну и что же Евфросинья Аристарховна?

– Она меня случайно увидела, и вот с тех пор... Шпионит, чертова старуха!

– Может, в ней проснулась лесбиянка, а вы счастья своего не понимаете? – предположил со смехом Невский.

– Да вы что! – невольно ужаснулась Лидочка. – В ее-то годы!.. И потом, хорошенькое счастье... Страх один! Неужто я похожа?..

– Нет, конечно. Это я – теоретически... Как говорят, игра ума.

– Веселая игра, – съязвила Лидочка. – Вы вообще большой шутник, я посмотрю... Но бабка – та еще, с нее все станет! Я этих стерв держала б взаперти.

– Какая вы жестокая...

– Да бросьте, ей-богу!.. Но я честно говорю: совсем уже достала!..

– Я бы тоже, между прочим, оказался на ее месте... – хмыкнул Невский, обволакивая Лидочку умильным взглядом. – Я бы тоже...

– Вы?! – скривилась Лидочка. – Да вы бы сразу, если б только увидели!..

– Это так, – смиренно опустил взор Невский. – Долго я подглядывать не смог бы. Нету стойкости во мне!.. А что, не искупаться ли сейчас?

– С ума сошли! При этой-то карге? Она и так повсюду растрезвонит, что видала нас обоих...

Невский лишь пожал плечами:

– Ну и что? Все было исключительно прилично.

– Да не в этом дело! – Лидочка досадливо мотнула головой. – Прилично, неприлично... Ведь болтать начнет, я ж знаю эту стерву! Слухи, сплетни... А я все-таки – не девушка на выданье, у меня муж...

– О господи! – всплеснул руками Невский. – Что ж теперь мне остается – с лодки сигануть и утопиться, к вящей радости моей соседки по столу?! Не понимаю...

– Нет конечно, – подавляя вздох, сказала Лидочка. – Теперь нас засекли...

– И надо с этим дальше жить, – ответил Невский, ободряюще взглянув на спутницу. – Ведь мало ли, кто путается под ногами! Так всегда... И если все всерьез воспринимать и каждому стараться угодить... Да выкиньте вы этот вздор из головы! А если что, я вас сумею защитить. Клянусь!

– О!.. – снова засмеялась Лидочка волнующим, зовущим смехом. – До чего легко вы это говорите! Раз – и готово... Но я верю. Правда!

– Вот и хорошо. А то такую панику вдруг развели... Я только одного не понимаю: для чего она следит за вами? Ей-то что за радость?

– Ждет, наверное, разврата, – Лидочка с улыбкой, словно подзадоривая, глянула на Невского. – Блюдет нравы. А для этого нужен разврат. Я разве не права?

– У каждого свои слабости, – философически откликнулся Невский. – Но мы ее в два счета вокруг пальца обведем – ведь так?! – И, лихо подмигнув своей спутнице, он развернул на месте лодку. – Ну так что, поехали назад?

– Боитесь бороду замочить? – подтрунила Лидочка.

– Боюсь, – признался Невский. – Борода – это святое. Я и бритым не хотел бы мокнуть под дождем. И даже, более того, открою вам секрет: я не люблю страдать без видимых причин... Такой уж человек.

– Оно заметно, – глаза Лидочки загадочно блеснули.

И уже через десять минут лодка была у причала.

– Спасибо, – прощбетала Лидочка, выскакивая на пирс. – Все было очень-очень мило.

– Надеюсь, дама согласится вновь попутешествовать с учтивым кавалером? – лукаво произнес Невский, привязывая лодку и тоже выбираясь на пирс.

– Заходите, – просто ответила Лидочка. – Днем – после обеда – я всегда у себя, в кабинете. Медсестра должна сидеть на месте... Врач очень следит. Это вот сегодня...

– А вечером?

– Вечером я еду домой. Даже ближе к ночи... – она обезоруживающе улыбнулась. – Семья, знаете...

– Да-да, конечно, – без всякого энтузиазма поспешил согласиться он.

Они причалили к пирсу, сдали весла лодочнику и двинулись вверх по усыпанной битым кирпичом аллее.

– Можно вас проводить? – спросил Невский.

– Вы и так идете рядом...

– Нет, когда вы поедете отсюда.

– До дому?

– Ну, хотя бы...

– Это же поздно!..

– Как-нибудь найду дорогу.

– Нет, не стоит, – помотала она головой. – Муж у меня ревнивый и если вдруг увидит...

– Он что, встречает вас?

– Бывает. Иногда...

– Но не пешком же вы пойдете! – с искренним недоумением воскликнул Невский.

– На автобусе. Да тут езды – три остановки. Можно, кстати, и пешком... Просто в темноте не люблю...

– Вот до автобуса я вас и провожу. И посажу в него. Если позволите, конечно...

– А вдруг дождь? Вы ж сами говорили...

– Ну и что? – пожал плечами Невский. – Мокнуть лишь бы мокнуть – не хочу. Но я надену куртку с капюшоном, возьму зонт – и никакие ливни не страшны!

– Ладно, договорились. – Лидочка остановилась и протянула ему руку. – Дальше я уже сама... До вечера. Часов так в десять заходите... И лучше все-таки, чтоб нас не слишком часто видели вместе. Ни к чему.

Она повернулась и быстро зашагала прочь.

Невский остался стоять один и, внутренне как-то расслабившись, глядел ей вслед.

Сейчас ему в ней нравилось все – и фигура, и походка, и платье, и прическа...

Шла его женщина, с которой он хотел быть, находиться постоянно, и наблюдать за ней было для него огромным наслаждением...

«Вот чудеса! Ведь, ежели по правде, я нисколько не влюблен в нее, – неожиданно подумал он. – И не полюблю, пожалуй, никогда. Не сумею... Всерьез – не сумею. И спокойно без нее проживу, как и жил до сих пор. Но когда она рядом – просто фантастически хорошо!.. И толком это никому не объяснишь. Даже себе. Не хватит нужных слов...»

Глава 6

На асфальтовой площадке перед главным корпусом тесным полукругом толпились отдыхающие.

В центре этого полукольца на мягком стуле сидел самозванный массовик с аккордеоном на коленях.

Потом он встал, отложил на стул свой инструмент и таинственно простер руки перед собой.

Длинный и тощий, он возвышался над окружающими почти на целую голову.

Лицо у него было кирпично-красное, усталое, и пальцы заметно дрожали.

Очевидно, маэстро до этого тяпнул.

– А сейчас мы перейдем к другому номеру программы! – простуженным голосом воззвал он. – Всех прошу внимательно следить за моей рукой. Показываю!

Он сделал неувловимый жест, и в левой его руке оказалась колода совершенно пустых карт. Он быстро развернул их веером, взмахнул в воздухе, и карты разом обрели масть. Затем он снова собрал их, накрыл колоду ладонью правой руки и, зажмурясь, тоскливо пробубнил:

– Три, два, один – старт!

Он разжал ладони, и в небо, гневно чирикаая, взлетел обыкновенный воробей.

Карты неведомо куда исчезли.

Все заплодировали.

Невский с любопытством начал ждать, что будет дальше.

Массовик сердечно поклонился на три стороны и даже зачем-то кивнул назад, где не было никого.

В эти секунды он напоминал эдакого разъездного премьер-боксера, выходящего не столько побеждать, сколько отвечать на приветствия своих поклонников.

– Представление окончено, – торжественно сказал он, когда отдыхающие утомонились. – Сейчас будет дождь, так что прошу внимательно следить за моей рукой. – Он развернулся и театрально махнул в сторону главного корпуса. – Показываю! Все – в дом! Спасайся, кто может!

Завершив таким эффектным выпадом свое представление, массовик подхватил аккордеон, стул – и во главе колонны санаторцев двинулся к парадным дверям.

Аллея и площадка перед домом опустели.

Налетел первый, предгрозовой, порыв ветра, взмел в воздух мельчайшие частицы кирпичной крошки и весело погнал из-под скамеек – через клумбы и газоны – обрывки газет, измятые картонные стаканчики, притоптанные окурки и фантики от конфет.

Где-то гулко захлопали створки окон...

Небо быстро потемнело.

Будто дьявольская фотовспышка, ослепительно змеясь и рассыпаясь снопом искр, сверкнула молния, и через несколько секунд раскатисто и зло ударил гром.

На мраморные ступени парадной лестницы упали первые крупные капли.

С реки неслся неумолчный ровный шум – стена дождя стремительно приближалась.

Когда Невский, малость задержавшийся внизу, под козырьком парадной двери, чтоб полюбоваться восхитительной грозой, вошел в свой номер, то картину он застал такую: гардероб был настезь, а перед ним – в сосредоточенно-задумчивой позе застыл массовик.

Что-то в нем, даже скорее не в нем, не в том, чем он был занят, а в самой атмосфере, здесь царившей, Невского немедленно насторожило.

– Здравствуйте, – сказал он сухо.

Массовик вздрогнул и обернулся.

На мгновение на его красном лице промелькнуло выражение испуга и растерянности.

– А, милейший! – развязно воскликнул он, локтем захлопывая одну из створок шкафа. – Наконец-то я увидел вас! А то я всякую надежду потерял!..

Невский внутренне весь подобрался.

– Простите?

– Да вас, поди-ка, целый день все нет и нет. Вижу: подселили ко мне, а кого – не знаю... Непорядок. А вас как зовут, милейший? – изображая бездну заинтересованности, спросил массовик.

– Невский. Михаил Викторович, – сдержанно отрекомендовался Невский.

– Ну вот! Теперь – порядок. А я тут гадал, как моего соседа могут звать... А все невероятно просто! Жизнь полна подсказок... Куплетов, Савва Иннокентьевич. К вашим услугам, – он изогнулся, как бы приглашая Невского с удобствами располагаться, а сам тем временем прихлопнул позади себя и другую створку гардероба.

Невский присел на край кровати и достал из кармана пачку сигарет.

– Не возражаете?

– Ну что вы, что вы! – замахал руками Куплетов. – Я сам дымлю, как паровоз, а в сердце у меня – кочегарка... Ха-ха! – он скроил довольно глупую гримасу и вдруг полез в свою тумбочку. Извлек оттуда круг редкостной теперь, хоть и достаточно дрянной полукопченой колбасы и с победным видом выложил на стол. – Вот, это – на закуску. Без нее приличным людям – невозможно. И попить мы кое-что найдем... Алле! – из той же тумбочки в мгновение ока появилась четвертинка белой. – Что же, со свиданьем, милейший, за знакомство! Все вопросы – отменить!

– Неужто специально берегли? Да вы и впрямь шутник! – невольно усмехнулся Невский.

– Нет. Я нарочно ничего не делаю. Все – по-стихийному, но каждый раз – буквально в точку. Волшебство! Давайте, не томите – вы же дома, черт возьми!

– Да вообще-то я не пью... – попробовал на всякий случай отвертеться Невский.

Куплетов обалдело замер, не донеся бутылку до стола.

– Нет, этого не может быть, – сказал он с пафосом провинциального актера-трагика. – Не может быть – и все... Ну, не бывает!

Невский, глядя на него, лишь мимолетно улыбнулся.

– Если говорить по совести, то вы, конечно, правы... – согласился он.

– Еще бы! Я же чувствую людей!.. – мгновенно отозвался массовик.

– Вот только я не пью посереде дня, – заметил Невский. – Сами посудите, как-то так – до ужина... Нехорошо! К тому же в правилах указано, чтоб в номерах не смели... Сам читал. И если обнаружат...

Но Куплетов был неумолим.

– Х-м... как же это? – неподдельно огорчился он. – Ну и что, что написано?! Ведь не константа ж мировая! Этих указов вам знаете, сколько еще насуют?! Опухнете от них. Если каждый болван перед тем, как из кресла полететь, пожелает себя увековечить, чтоб и другие болванами смотрелись... Ого! Прямо обида получается. Да-да! Продавать-то – продают. Дороговато, правда, ну да ничего... И желудку на пользу. Перед ужином для аппетита – в самый раз. Чтоб соки побежали. Вы думаете, Куплетов фокусы показывает, на гармошке играет и напропалую пьет? Ни-ни! Зачем? Я, как и вы, – лечусь. Мне нельзя – печенка. Страшное дело!.. Но у меня сегодня – день рождения... Круглым счетом – сорок три годочка. Понимаете?

– Ну ладно, пусть, – смягчился Невский. – Если уж такая дата...

Куплетов приволок из угла два сомнительно мытых казенных стакана, пытливым взглядом их на свет и затем опростал в них содержимое чекушки.

– Да, – вдруг спохватился он, – а чем же резать колбасу? Опять вниз за ножом бежать...

– Ничего, – остановил его Невский, – у меня есть. Я как знал...

Он присел на корточки, распахнул свою тумбочку, порылся в ней немного и, наконец, извлек на свет божий длинный охотничий нож в самодельных кожаных ножнах с большим кольцом, чтобы носить на поясе. Протерев широкое лезвие полотенцем, он принялся аккуратно нарезать колбасу.

– Жаль, хлеба нет, – посетовал он между делом. – С хлебушком – оно сытнее...

Нож привел Куплетова в восторг.

– Острый? – почему-то шепотом спросил он, глядя на сверкающий клинок.

– Как бритва. Это же булат! Тот самый, знаменитый, настоящий!

– Ой-ей-ей! – всплеснул руками ошарашенный Куплетов. – А откуда же сокровище такое?

– Да так, знаете... – уклончиво ответил Невский. – Подарили...

– Эх, везет же людям!.. – позавидовал Куплетов. – Дарят... Кто-то, стало быть, не забывает... Ну, поехали! – воскликнул он, беря стакан – внимательно и нежно. – За меня и за знакомство! Только так!

Глава 7

Вечером, в начале одиннадцатого, едва дождавшись, когда санаторцы разбредутся отдыхать и в доме воцарится относительная тишина, Невский побежал к Лидочке.

Она сидела в кресле под уютным стареньким торшером и что-то читала.

Окно было настежь, и налетавший ветер слегка раздувал задернутые шторы.

Увидав Невского, Лидочка отложила книгу и ласково, по-домашнему, улыбнулась.

– А вот и я. Не рано? – спросил он, плотно притворяя за собой дверь.

– Нет, – мягко качнула она головой.

– Но ведь – и не поздно?

– Конечно.

Она сидела, расслабленно опустив руки на вытертые подлокотники и смотрела на него спокойным, ясным, откровенным взглядом.

И в нем, в этом взгляде, что особенно приятно поразило Невского, не было никакого показного бесстыдства или неумного, отчаянного желания...

Это был взгляд женщины, которая никого ни к чему не побуждает, но по первому же зову готова сделать все, чтоб было хорошо и ей, и другому...

Невский это понял, вернее, почувствовал – и в радостной нерешительности замешкался у двери.

Прежняя ироничность, прежнее фривольное легкомыслие теперь смотрелись бы натушно и нелепо.

Он совсем не ожидал, что дело сразу повернется так, и вместе с тем испытывал сейчас к этой женщине огромную благодарность...

Благодарность и... уважение.

Приятная стремительность событий всегда в нем вызывала уважительное чувство.

– Ну что же вы встали? – спросила она просто. – Проходите. Я поеду последним автобусом... – И, чуть помедлив, добавила: – Это нескоро.

Невский медленно шагнул в глубь комнаты, сердце у него бешено колотилось.

Бог ты мой, подумал он, да что же это? Я действительно волнуюсь, я воспринимаю все всерьез – вот так сюрприз!.. А почему бы, собственно, и нет? Ну, почему?! Ведь, если по большому счету, именно на это – с первой же минуты – я и уповал, хотел, чтоб было так и не иначе. Как восторженный мальчишка... И пускай!

Все так же мягко улыбаясь, Лидочка порывисто поднялась ему навстречу.

Но то озорное выражение глаз, которое, за исключением двух-трех моментов, было днем, теперь неожиданно и окончательно сменилось у нее другим – задумчивым и даже каким-то ласково-грустным. В нем была странная, тяжелая торжественность, но – никакого торжества.

Невский подошел к ней вплотную, и она доверчиво положила руки ему на грудь, высоко запрокинув голову, чтобы видеть его лицо.

И снова обжигающе-радостная волна, как тогда, в автобусе, захлестнула его.

Он обнял Лидочку и привлек к себе. Она податливо уткнулась носом ему в плечо.

Под врачебным халатиком на ней ничего не было.

И тогда он понял, что весь этот долгий вечер она его и впрямь ждала.

– Сними, – шепотом попросил Невский.

– И зачем ты только приехал сюда... – с нежным укором произнесла она.

– Чтобы быть с тобой, – сказал он первое, что пришло в голову.

И это было правдой. В чем-то, может быть, банальной, даже откровенно пошловатой, но, как ни странно, единственной на этот миг и абсолютной правдой. Просто более изысканных слов вдруг отчего-то не нашлось... Да разве в них вся суть?!

Она лишь неопределенно, с какой-то детской застенчивостью качнула головой и, бросив халат на спинку кресла, вновь устремила на Невского преданный взгляд – зовущий, ласковый, опять – восторженно-лучистый...

На улице было гадко.

Все очарование минувшего часа разом стерлось, потускнело и ушло...

Потому что здесь, на холодном ветру, под дождем, это казалось ненужным и непонятым.

Здесь была реальная жизнь, в которую никак не вмещались та тихая комната с зашторенным окном и горящим уютным торшером, та тихая радость и та красота...

Они торопливо, не обращая ни малейшего внимания на лужи под ногами, шагали по аллее: со стороны – двое просто знакомых людей, не так чтоб и накоротке, рядом друг с другом – даже не под руку...

Фонари размытыми зрачками таращились на них сквозь пелену дождя.

– Ветер-то какой!.. Ты не замерзнешь? – обеспокоенно заметил Невский.

– Нет.

– Может, я все-таки провожу?..

– До дома? Пожалуйста, перестань!

– Но...

– Забудь, ладно? – Она повернула к нему мокрое лицо. – Ничего не было.

Ему показалось, что она плачет.

– Ты сердишься на меня?

Секунду она помедлила с ответом.

– Нет. Почему ты так решил?

– Да просто... – он пожал плечами и с неожиданно тоской вдруг произнес: – Ведь это ты сейчас решаешь... Больше ничего не будет, да?

– Не надо загадывать, – тихо попросила она. – Может, и будет... – Она ласково взглянула на него и, с едва заметным вздохом, добавила: – Действительно... тебе не надо было приезжать сюда.

Невский попробовал ее обнять, но Лидочка мягко отстранилась.

– Боишься, нас увидят? – удивился он. – Да все давным-давно спят!

– Не в этом дело... – покачала она головой. – Не торопись. Потом. Хорошо?

– Как знаешь... – с рассеянной улыбкой ответил он и взял ее под руку.

Они вышли из незапертых ворот и притулились у столба с указателем автобусной остановки.

Кругом не было ни души.

И никаких посторонних звуков – только негромкий, ровный шум дождя...

Слева, в темноте, послышалось натужное урчание и замелькали огоньки.

Они приближались, делаясь все ярче, пока не превратились наконец в две горящие фары рейсового автобуса.

– А вдруг проедет мимо? – с непонятной надеждой произнес Невский.

Лидочка только пожала плечами, словно говоря: нашел, о чем спрашивать!..

Холодный металлический корпус, шумно качнувшись вперед и назад, плотно встал.

В салоне сквозь мокрые стекла окон виднелись тени всего нескольких пассажиров.

С лязгом раздвинулись двери.

– Пойду, – просто и даже как-то буднично сказала Лидочка – Давай прощаться.

На короткое мгновение Невский поймал ее руку и мягко потянул к себе.

Лидочка не сопротивлялась.

Тогда он обнял ее и крепко поцеловал в мокрые губы.

Водитель, поторапливая, дал гудок.

– Все было хорошо, да? – прошептал Невский, стараясь перехватить ее взгляд.

– Не надо об этом. – Она высвободилась из его объятий и шагнула к автобусу. – Спокойной ночи. И... не думай обо мне плохо.

– Да, господи!.. – всплеснул он руками, но двери уже сомкнулись за нею, и автобус, мелькнув тусклой лентой окон, исчез в темноте.

В мире снова воцарился дождь.

Хорошо, если только вот на этот вечер и на эту ночь... А если – на неделю вдруг зарядит? Бр-р...

Невский еще немного постоял, нахохлившись, сунув руки глубоко в карманы куртки, а потом развернулся и медленно побрел к санаторию.

Лишь сейчас до него дошло, что этот их прощальный поцелуй был единственный за целый вечер. Даже смешно!..

Невский зябко повел плечами и прибавил шаг.

Первый день в санатории истек.

Настроение было никакое.

Что ж, сказал себе Невский, подождем до утра.

Глава 8

Проснулся Невский по привычке очень рано – еще не было и семи утра.

Минут десять он по инерции нежился в мягкой постели, вяло вспоминая минувший день.

Лидочка, подумал он, забавная девчонка... Это хорошо, что так получилось... Хорошо, что повстречал ее. А с другой стороны... У нее ведь – муж, семья... И я – заезжий курортник, каких и до меня, наверное, хватало... Вот таких – случайных, приходяще-уходящих... Стоп! Я что, ревную? – удивился он. Да ерунда! К кому мне ревновать? К фантомам?! И с чего вдруг? Батюшки, неужто я и впрямь влюбился?!

От этой мысли ему сделалось щемяще-радостно и вместе с тем не по себе.

Он этого хотел – да! И притом – боялся...

Обыкновеннейшая психология закоренелого холостяка...

И все же – хорошо!

Потом внезапно в голову пришла еще одна шальная мысль: а не попробовать ли – вот сейчас, немедленно! – повыдергивать из бороды дурацкие седые волоски, чтоб больше соответствовать предмету вожделений, так сказать?

Тут Невский не на шутку разозлился на себя.

Совсем уж, разбежался!.. Что он – люмпен секса, впавший в старческий маразм?! Да Лидочка сама, если угодно, невзирая ни на что!..

Нет, точно – у тебя поехали мозги, сказал себе печально Невский, ты, дружок, такие мысли брось, не то в грядущем ничего хорошего тебе не светит. Уж какой ты есть, таким и будь, а что другие скажут – это их забота. Главное – не дешевить и не придумывать чего-то там за остальных.

За остальных придумывать он, к сожалению, любил.

Иначе никогда не стал бы заниматься психологией. Не оказался бы в конечном счете здесь...

Кому сказать!..

Он глубоко вздохнул, раскрыл глаза и, сбросив одеяло, сел на край кровати.

Куплетова в номере не было.

Посреди стола лежала записка:

«Милейший! Я играю в карты».

Где, с кем – не известно.

Записка осталась еще с вечера, когда Невский вернулся в номер.

Стало быть, Куплетов ночевать не приходил...

Да уж, и впрямь – затейник!..

Невский быстро оделся и сунулся было в тумбочку, где стояла, припасенная с поезда, бутылочка «Байкала». Однако замер, неприятно пораженный.

Роскошного охотничьего ножа, на кожаных ножнах которого тонкой медной проволокой было вышито: «Невскому – не Александру, но Михаилу», в тумбочке, рядом с бутылкой, не оказалось.

Невский прекрасно помнил, что перед тем, как идти к Лидочке, он положил его именно туда.

Еще раз обшарив тумбочку, он на всякий случай перевернул все вещи в своей половине гардероба, однако и здесь ножа не отыскал.

И тотчас в памяти услужливо всплыл злополучный галстук, также неведомо куда пропавший, припомнилось странное поведение Куплетова, когда он, Невский, только вошел вчера в комнату...

Тупое, гаденькое подозрение невольно поднялось и заскребло в душе.

Понимая, что это не слишком порядочно с его стороны, он все же отворил и соседнюю створку шкафа и несколько времени разглядывал чужие полки.

Никаких следов.

Может, вообще из номера украли?

Но тогда – кто? И для чего?

Ладно – нож... Это и вправду вещь первостатейная, другой такой, пожалуй, не найдешь. Но галстук!.. Где в нем щеголять? Не в санатории же – на глазах у бывшего владельца!

В коридоре громко закашляли, и вслед за тем на пороге возник Куплетов.

Вид у него был понурый, глаза слипались, а седоватые баки топорщились, как шерсть на морде кота, которого с позором отогнали от пролитой валерьяны.

Определенно, картежная ночь не принесла ему никакого удовлетворения.

– Милейший! – сиплю, без прежней наглой уверенности, провозгласил Куплетов. – А вот и вы! А вот и я!.. Смешно!.. Поутру, на заре... – нараспев сказал он и слегка покачнулся. – С добрым утром! Или – спокойной ночи, малыши? У меня – второе. А у вас?

– С добрым утром, с очень добрым... – невнятно пробормотал Невский, ловко, как ему показалось, захлопывая чужую створку шкафа.

– Дождь еще идет? – спросил Куплетов, хотя и его пиджак, и его брюки носили явные следы недавнего дождя, причем весьма изрядного.

– Не знаю, я только что встал, – пожал плечами Невский, радуясь, что обнаружилась вдруг подходящая уловка. – Кстати, как там?

Не двигаясь с места, Куплетов устремил испытующий взор в окно.

Этого вполне хватило, чтобы Невский прикрыл благополучно и другую створку шкафа.

– Ну так что же?

– Дождь, проливной. Мерзость, – твердо произнес Куплетов. – Мне видятся струи косые... И, кажется, здорово похолодало...

– Почему вы так решили?

– Х-м... Да я же только с улицы! Вот... Прихожу – и застаю... Нехорошо.

Невский внутренне сжался.

Значит, все видел, голубчик, все заметил... Может, и пьяного только разыгрывает из себя?

– Я искал галстук.

– Привет! – хохотнул Куплетов. – С утра пораньше – на банкет?! А меня с собой не хотите взять? У меня есть бабочка! Дамы просто мрут...

Так, подумал с досадой Невский, на галстук не клюнуло. О ноже тогда вообще нет смысла говорить. Но если эдак пойдет и дальше, я уеду отсюда голый! Ничего себе соседушка... Мас-совик-затейник...

– А вы? – спросил он, вызываяще и с неприязнью глядя на Куплетова.

– Пардон?

– А вот и не пардон! Вы вчера чем тут занимались? Думаете, я слепой?

– Вчера? – как бы недоумевая, повторил Куплетов. – Мало ли, чем занимался... А-а, понимаю!.. Так я здесь чехол искал! От инструмента... Я чехол всегда засовываю, чтоб не мельтешил. А потом ищу...

Ну ты поговори-поговори, зло подумал Невский. А я-то еще там, в столовой, высмотрел его, решил: интеллигентное лицо, приятный будет собеседник. Господи, с каким давеча торгом он заглядывался на мой нож!.. Ведь все же ясно! Мелкий мошенник, уездный аферистик – даже не аферист! Пойти с жалобой в дирекцию? Или куда там?.. Впрочем, это я всегда успею. Подождем еще...

– Ну ладно, хорошо, замнем, – стараясь, чтобы голос его звучал дружелюбно, сказал Невский. – Это все пустяк. Нам с вами жить здесь да жить...

– Конечно! – с готовностью подхватил Куплетов. – Я своих соседей уважаю. Предлагаю дружбу! – Он протянул руку и, отлепившись от косяка, торжественно вышел на середину комнаты. – А хотите, будем выступать на пару?

– Это как?

– Да чтоб потешней было. Как Ширвиндт и Державин. Или – Винокур с бригадой... Скажешь глупость, а люди смеются. – Куплетов неожиданно погрузился и, подойдя к своей кровати, тяжело опустился на нее. – Закон эстрады. Вы думаете, отчего у нас такая эстрада глупая? Чтобы зритель себя уважал. Это дело тонкое...

– Увы, – вздохнул Невский, притворяя за ним дверь в коридор, – затейник из меня никудышный. Не умею по заказу развлекать. Хотя – полезный дар, не спорю, кусок хлеба гарантирует всегда... Да вы бы прогулялись все-таки немного! Голова небось гудит?

– Нет, не гудит, – обиделся Куплетов. – Я ведь только разик вчера – по случаю... Мне пить нельзя.

– Так всегда говорят, – с иронией заметил Невский.

– Но мне действительно нельзя! Я не шучу. А вот – себя не берегу... Дурной совсем... Вы знаете, милейший, проигрался в прах!

– А вообще чем в жизни занимаетесь? Ну, чем кормились до сих пор?

– Вообще? – уныло повторил Куплетов, разваливаясь на кровати. – А всем понемногу. Можно целый день рассказывать, во как!.. Был матросом, был токарем, был поваром, был грузчиком, был спекулянт колбасой, был сутенером – да, представьте, есть такая интересная профессия! – был электромонтером, санитаром в дурдоме, писал босяцкие стишки в многотиражки, работал гримером, шофером, вахтером, шпрыхшталлмейстером, официантом... Богатая биография... Как у писателя Максима Горького, к примеру. Знаете такого? Про буреви́стника еще писал... Настоящий народный талант. Не иссякает Русь!.. И не иссякнет – это я вам говорю! И – что особо радует и удивляет, при всех житейских загогулинах – еще ни разу не сидел!..

Невский невольно хмыкнул.

– А сейчас?

– И сейчас не сижу, – с достоинством парировал Куплетов. – Лежу вот на кровати – и о чем-то интересном с вами говорю. А может, и не интересном...

– Почему же? Очень любопытно. Но я все-таки хотел бы знать: где нынче служите?

– Я не служу, милейший, это слово мне претит. С душком каким-то... Я тружусь! Всегда и всюду. Рук не покладая... А сейчас в Доме пионеров кружком руковожу. Дети любят выжигать, вот я их и учу. Первые робкие шаги в огромное искусство. Да... И там же, по совместительству, уроки бокса даю. Есть очень шустрые ребята. Родители меня уважают, разных жизненных знакомств и связей – куча!..

Куплетов разулся и прикрыл ноги краем одеяла.

– Но здесь-то вы зачем за эти фокусы взялись? – не удержался Невский.

– Не могу видеть скучающих людей... У меня и так печенка болит, а как на эти рожи взглянешь – еще хуже. Человек на таком культурном отдыхе звереет, я вам точно говорю. Я почему потешаю? Из жалости. От презрения, если хотите... Не желаю быть таким, как они... Вот вы, к примеру. Шастали вчера весь день с этой девчонкой... В другое время, на службе, стали бы себя так вести? Дали бы себя околпачить?

– Во-первых, никто меня не одурачивал, – сухо произнес Невский. – Не так-то это просто... А во-вторых, откуда вы все это взяли?

– Да ведь, милейший, видно! – Куплетов даже привстал на кровати. – За версту все видно! Что ж, вы полагаете, кругом одни слепые?

– Вас интересуют сплетни? – с откровенной неприязнью спросил Невский. – И вы им доверяете – вы, презирующий всех тех, кто эти сплетни распускает?! Или, может быть, снисходите до того, чтобы подглядывать самолично?

– По мне – вы хоть со всем санаторием переспите. – Куплетов меланхолично запустил в нос безымянный палец и на миг застыл, словно ловя ускользающую мысль... – Тоже мне, надомник-первооткрыватель!.. Да о вас забочусь! Подцепить кого-нибудь недолго – санаторий!.. Для того и существует...

– Что ж, весьма признателен...

– А, ерунда! Мне на эту Лидку наплевать. Смазливая, хохочет... Доиграется. Вас жалко! Вы же – только приехали, ничего не знаете... А у нее жених!

Невский остолбенел.

– Извините, но... вы говорите чушь! – произнес он зло. – Эта женщина замужем.

Куплетов лениво повернулся на левый бок и, подперев ладонью небритую щеку, блаженно-укоризненно уставился на Невского.

– Естественно, – прокурлыкал он, тихонько ухмыляясь, словно нарочно подзадоривая своего соседа. – Там все – шито-крыто. Не подловишь. Она небось три часа распиналась о разных прелестях семейного уюта. Это она умеет. Романтику развела. А вы уши и развесили... Замужем! – презрительно фыркнул он. – Еще бы! А у нее – любовник, почитай, четвертый год... По-интеллигентному – жених.

– Что вы там плетете?!

– Да ведь всем известно! Каждому. Она и не скрывает... Женщины порядочные, а особо шлюхи, – не скрывают ничего. Шарманный моветон! Эх вы, рыцарь... как его... веселого образа! Уж лучше в карты по ночам играть, как я.

– Не верю! – сдавленно выкрикнул Невский. – Вы – дешевый циник! И к тому же пьяный.

– Тяпнул лишку, спору нет, – будто стихи, продекламировал Куплетов. – Да, и циник – тоже. Непременно. Вы это тонко подметили... Жизнь у меня бедовая, всего насмотрелся. А тут, под старость, ну, такое искушение нашло!.. Стань циником, сказал мне внутренний голос, пора, мой друг, пора, цинизма сердце просит, без него теперь не проживешь, народы не поймут!.. И знаете что? Я согласился. Сразу!

С хмельного глазу Куплетова неудержимо потянуло к патетическим речам.

– Поверите, Куплетов, в вас есть что-то от мелкого мошенника, – неожиданно проникновенным голосом сообщил Невский. Он был взбешен до крайней степени. – Мне кажется, это ваше основное призвание.

– Я – весь внимание, – дурачась, произнес Куплетов. – Мысль очень продуктивная.

– Да, быть мошенником – всегда и везде! С вами опасно иметь дело, даже пустяковое! – не унимался Невский. – Вы страшный человек, Куплетов.

– Правда? – хохотнул тот. – Вот бы не подумал... Две ноги, две руки, одна голова... И все остальное – на месте. Нечем вроде бы пугать...

– С вами препираться – только время зря терять, – вздохнул Невский. – Живите, как хотите.

– Милейший, – обрадовался Куплетов, – наконец-то вы попали в точку! – Как видно, эта перепалка его совершенно не задевала. – Bravo! Сто воздушных поцелуев! А позвольте-ка узнать, чем **вы** занимаетесь? Не здесь конечно же об этом скромно умолчим, а дома у себя, на службе?

– Чабаном служу, – огрызнулся Невский.

– Что ж... Пасти баранов – дело благородное. Шагает прямо в двадцать первый век. И – далее, вперед. И все нужней, нужней... Я вам завидую, милейший, да, завидую. – Он сонно зевнул и прикрыл глаза. – И всё вы врете, – добавил он через секунду. – Всё! От и до. И я вам тоже вру.

– А я не сомневался, – пожал плечами Невский.

– Не в том смысле, – устало махнул рукой Куплетов и снова беззастенчиво зевнул. – Может быть, и вы говорите правду, и я... Не в том смысле.

– А тогда – в каком?

– Слова, слова... Шекспир в них толк отменно понимал, не зря писал... Они-то уж случаются – правдивей не найдешь, тютелька в тютельку метят, опять же на словах, а вот – *что* спряталось за ними... Это надо каждый раз особо обмозговывать, усиленно трудиться! Вам не кажется, милейший, что мы всю жизнь стараемся говорить одну правду – и оттого только еще больше врем? Начинаем говорить правду, и не представляя, где она иссякнет... Начинаем говорить правду, которая оправдывает нашу ложь... Видите, и тут без игры слов не обойтись! А это ведь пока по мелочам...

– Не хватало большего, – криво усмехнулся Невский. – Спиноза вы наш!..

– Я с вами полностью согласен, – с готовностью закивал Куплетов. – И насчет Спинозы, и насчет остального... Заметьте: мы оба сказали правду и пришли к взаимопониманию. И не верим друг другу ни вот на столько. Конец света на сегодня отменяется. Давайте дружить!

Он закинул руки за голову и, уставясь в потолок, горестно вздохнул.

– Пойдемте завтракать, – предложил Невский.

– Идите, – не поворачивая головы, глухо отозвался Куплетов. – Я лучше посплю.

Вид у него и в самом деле был усталый и вызывающий скорее жалость, нежели другие чувства.

Но ведь **он** взял! – с внезапным отчаянием подумал Невский. Он! Больше некому. Взял и молчит... И даже не раскаивается. Вот человек!..

– Насчет Лиды – это верно? – спросил он тихо.

Куплетов взглянул на него, как-то брезгливо морща лоб, и зарылся щекой в подушку.

– Все – вранье! – провозгласил он. – Ну конечно нет! Успокоились? Ведь может человек вот просто так, потехи ради... Не со зла же...

Невский ничего не ответил. Он сдернул с вешалки красно-оранжевую куртку с синим белым капюшоном, уже просохшую к утру, и, на ходу натягивая ее на себя, вылетел из комнаты.

Он знал, что Куплетов потешается над ним, но ждал именно этих слов. И – дождался наконец. Вот что обидно.

Двери из вестибюля на улицу были настежь.

Снаружи по-прежнему моросил мелкий дождь, но на площадке перед домом толклось много народу.

Все о чем-то разом говорили.

Невскому удалось только разобрать: «И всё... Убили... Нынче ночью... Как она теперь – одна?..»

Глава 9

Было промозгло, не по-летнему зябко, и оттого все кругом кутались в плащи и куртки. В воздухе плавали цветастые зонты.

Всеми владело непонятное, гнетущее возбуждение.

На глаза Невскому попались его соседи по столу.

– Всем – здравствуйте. С самым добрым утром, – поприветствовал он их машинально.

– Да какое уж там доброе!.. – горестно молвил Лазаретов и тыльной стороной большого пальца смахнул с кончика носа дождевую каплю.

– Это просто неслыханно, – подала голос Виолетта Прохоровна. – Если бы я только знала, то... никогда бы не приехала сюда. Да! Ни за что!

– А вот интересно, откуда вы могли бы знать? – неожиданно рассердился Лазаретов. – Вы, Виолетта Прохоровна, право, иногда такие удивительные вещи говорите!..

Он вытащил большой носовой платок, расправил его и громко высморкался, строго глядя на Невского.

– Да что тут, собственно, случилось? – спросил тот. – Я слышал, какое-то убийство...

– Да-да! – закивал Лазаретов. – Жуткое убийство. Представляете?

– Здесь, в санатории?

– Ну, вы уж скажете! Упаси боже, чтобы – тут!.. – замахал руками Лазаретов.

– Медсестра, – ледяным тоном произнесла Евфросинья Аристарховна.

– Как?! – едва слышно, чужим совершенно голосом пробормотал Невский. – Лида? Ее что... убили?

Страшное предчувствие сжало все внутри в напряженно бьющийся комок...

– Этого еще не хватало! – опешил Лазаретов. – Она жива. Но ее муж!..

– За что? – невольно вырвалось у Невского.

Лазаретов лишь выразительно поморщился да руками развел: дескать, батюшки, за что ж на свете убивают, экий вы наивный человек!..

– Вот этого как раз никто толком и не знает, – словно проснувшись, зашебетала Виолетта Прохоровна. – Говорят разное... И жулик, и подрался, и кто-то, может быть, из зависти... У нас тут такая паника...

– Виолетта Прохоровна, – с мягкой укоризной произнес Лазаретов, – опять вы какие-то удивительные вещи говорите... Где вы видите панику? Я, по-вашему, паникую, или, скажем, Михаил Викторович, или Евфросинья Аристарховна? Право... Совестно такое слушать!

Разволновавшись, Невский и не пробовал вникать в смысл его слов.

На мгновение в памяти всплыло самодовольно ухмыляющееся лицо Куплетова...

«Она вам такого наговорит... А вы уши и развесили... У нее жених! Четвертый год!..»

Да откуда? Почему?

Какое ему дело, в сущности?!

И это совершенно несуразное, внезапное убийство... Черт знает что!

– Кто сообщил?

– Она сама – Лидия Степановна, – с готовностью ответила Виолетта Прохоровна. – Прибежала утром – и криком кричать... Всех подняла. И уж так убивалась, так убивалась... Я, правда, не видела... Но – говорят!

И я не слышал ничего, подумал Невский. Странно и досадно... Только время зря потратил на пустые препирательства с массовиком!..

– Вы ведь вчера поздно с ней гуляли... – ни с того ни с сего, меланхолично глядя в сторону, заметила вдруг Евфросинья Аристарховна.

То была солидная оплеуха, однако Невский сделал вид, что это – так, суший пустяк, не сто́ящий в действительности долгих обсуждений.

– Верно. Я проводил ее до автобусной остановки. Потому что было поздно и темно. А вы, простите, за всеми эдак наблюдаете или только за мной?

Лазаретов заинтересованно прислушался.

– Я ни за кем не слежу, – враждебно проговорила Евфросинья Аристарховна.

– Ой ли?! – качнул головою Невский. – Что-то мне не слишком верится...

– И на здоровье. Я никого не прошу верить мне или нет. Но разнузданных гулянок у себя под окнами я тоже не потреплю! Это вам не танцульки, и вы не у себя дома. Здесь, как вы знаете, общественное место.

Последние фразы она произнесла нарочито громким голосом, чтоб было слышно всем, после чего, считая, вероятно, свою миссию успешно выполненной, со смиренным видом отошла на несколько шагов, недвусмысленно давая понять, что сосед по столу теперь для нее как бы и не существует.

Вон ты куда хватила, подумал Невский. Недооценил я тебя, тихоню.

В другой бы раз он только отмахнулся, не придав ее словам значения, но теперь все сказанное обрело вдруг непонятный и тревожащий подтекст...

Нет, никакой вины он за собой, естественно, не ощущал, однако догадался: Евфросинья Аристарховна и впредь готова отравлять ему существование – и потому, что он одним уж своим видом и манерами вести себя не вписывался в четкий круг ее житейских представлений, и потому, что, видимо, сама поборница высоких нравственных устоев относилась к категории людей, которым просто тошно делается, ежели кому-либо другому в данный миг легко и хорошо.

Она была вдовой со стажем и несла его, как знамя, тяжелеющее год от года, и, похоже, искренне подозревала всех, кто этим стажем не располагал или хотя бы не стремился к обретенью такового...

– Вот и поругались, – горестно развел руками Лазаретов. – Тут покойник, а они...

– Да что вы? В нашем корпусе? – побледнела Виолетта Прохоровна. – Он *здесь*?!

– Виолетта Прохоровна, иногда вы не понимаете азбучных вещей, – нервно дернулся Лазаретов. Судя по всему, у них тут завязался нежный, трогательный, старческий роман... – Ну конечно же он дома. Или в городской больнице, в морге. А вот Лидия Степановна...

– Она у себя? – быстро спросил Невский.

– Была в кабинете, – подтвердил Лазаретов. – Да у нее там, знаете, народ...

– Не беспокойтесь.

– Боже мой, я останусь сегодня без завтрака, – трагически сообщила Виолетта Прохоровна. – От такого кошмара я буду болеть четыре дня.

Но Невский ее уже не слушал.

Через две ступеньки он помчался по парадной лестнице к дверям, наверх.

Что было после, Невский почти не запомнил.

До самого обеда день прошел в волнениях и совершенно бестолково.

Все вокруг бродили взбудораженные, болтали без умолку, строя версии одна нелепее другой, шумели, мешали друг другу, бесцельно толчась из угла в угол, а нудный дождь все лил да лил, и налетал порывами резкий холодный ветер, и было такое одинокое чувство, будто лето вдруг кончилось и всем давно пора уж по домам...

Но это было потом... А тогда Лидочка сидела в своем кресле под торшером, бессильно уронив руки на колени, осунувшаяся, разом постаревшая и подурневшая.

В комнате находились какие-то посторонние, незнакомые люди, но Невский не обратил на них внимания, да и они его словно не заметили.

Он сразу прошел к креслу в углу – и надолго остался там стоять...

Лидочка лишь на мгновение подняла на него глаза, сухие, с воспаленными веками, и тотчас опустила.

И во взгляде ее не было ни признательности за то, что он явился – вот сейчас, к ней! – ни отчаяния, ни боли, ни мольбы об утешении и сострадании – все словно спряталось куда-то внутрь, сжалось и окаменело...

И ты еще будешь говорить, что не любила, с горькой укоризною подумал Невский.

Глава 10

Невскому было тревожно и тоскливо, когда он поднимался к себе в номер.

Он даже не смог бы с определенностью сказать сейчас, что его больше тяготило – то, что вообще случилось это нелепое, в сущности, убийство, или же совсем другое, внезапно властно проникшее в его сознание...

С неожиданной для себя ясностью, обидной, может быть, он понял, что ревнует.

Да-да! Бездарно, глупо, но – ревнует.

И к тому, кого теперь уж нет на свете, и к тому, кто, видимо, остался...

К тому, кто остался... Ей – в утешение, ему – во враги.

Эх, Куплетов, ну, за каким чертом ты сболтнул, кто тебя тянул за язык?!

Ведь промолчи ты в нужную минуту – и не знал бы Невский ничего, и не терзался бы теперь, испытывая чувство идиотской зависти к возникшему внезапно конкуренту.

Хуже не бывает: утвердиться в некой ситуации, принять ее, а после обнаружить, что она, играючи, переменялась и тебе уже в ней места нет, хотя ты так старался, так старался ничего не упустить!..

Да нет же, ерунда, попробовал утешить себя Невский, право же, о чем я думаю – я, посторонний?! Я ведь в самом деле посторонний здесь, и, что бы ни происходило, это понимают все. И даже Лидочка... Ну, мало ли, куда обоих нас кривая завезла! Случайно, вдруг... Не более того.

Но это была слабая уловка, отговорка. А чувство было древнее, как мир...

Чем дольше Невский думал об убийстве, тем загадочней оно ему казалось.

Внятно объяснить, что именно его смущало, Невский, вероятно, не сумел бы, даже если б очень захотел. Какое-то туманное предчувствие – и только...

Да, несчастного могли убить без умысла и цели – эдак ненароком... А могло быть и иначе! Факты?

Слишком мало фактов, явленных конкретно. Это плохо. Но какие-то – пускай разрозненные, пусть в внешне меж собой не связанные! – есть.

Их можно как-то сопоставить, увязать друг с другом – в качестве исходной версии хотя бы... Кто ему мешает?

И тогда вдруг Невский понял, что обязан разобраться в этом деле – просто для себя! – поскольку внутренне теперь к нему причастен и не обретет покоя до конца...

Естественно, подумал Невский, и другие будут этим заниматься – профессионально, так сказать... Но мне сейчас важнее мое – мой собственный подход. А там – посмотрим... Эдакая небольшая тренировка для ума... Конечно, блажь. Гарантий никаких. Да только не могу я просто ждать чужого результата, не могу!

Что ж, пусть другие выясняют, кто убийца.

Он должен знать всю подноготную – не только и не столько преступления, но и всех прочих отношений, ибо и они в конечном счете осквернены отныне кровью жертвы. Или напротив... очищены ею.

Итак, решил он, стоя на площадке своего второго этажа, попробуем-ка предварительно наметить схему.

Что мы имеем?

Станный сосед по комнате, исчезновение галстука и охотничьего ножа, Лидочка, неявная слежка за мной – предвзятая слежка, отметим! – и, наконец, это убийство. Вот то, что лежит, так сказать, на поверхности.

Плюс данные, поукада менее очевидные: нелады в лидочкиной семье и – неведомый жених-любовник...

Про нелады она сама могла придумать, чтоб разжалобить меня, а про любовника хмельной Куплетов тоже мог соврать – чтоб раздосадовать меня и после посмеяться.

Тут еще надо проверять...

И больше фактов вроде нет.

Не густо!

Главное – почти никакой, по крайней мере видимой, связи между отдельными частями.

Если такие связи существуют, разумеется...

Куплетов?

Да, он мне не нравится и, более того, – он чем-то подозрителен... Ну так и что?!

Не нравится!..

Ведь это же еще не повод полагать... Убийство-то стряслось не здесь, не в санатории!

К тому же если кража – его рук дело, то он выдает себя сразу, с головой. Слишком явно, даже нарочито... Надо быть совсем уж без мозгов!..

Значит, убил не Куплетов. Как там ни крути, а это выглядит правдоподобнее всего.

Да и с какой стати он полезет убивать?!

Может, Куплетов и есть тот самый любовник? Неисключенный, между прочим, вариант.

Но тогда он должен стремиться убить меня как соперника, а не...

Постойте-ка! Ведь муж ему мешал куда сильнее!

Ладно. Предположим, Куплетов все-таки убил его и теперь пытается – сам или через кого-то, а возможно, что уже пытался – выставить меня причастным к этому делу.

Каким образом?

Вот тут цепочка явно рвется. Множество натяжек... Каждый пункт противоречит как бы остальным... И все-таки попробуем нащупать связь.

Итак. Я проводил Лидочку до остановки и вернулся в номер. Куплетов между тем отсутствовал до утра. Его костюм был влажным от дождя.

А тут еще эта Евфросинья Аристарховна!.. Что она, всерьез взялась следить за мной? М-да...

У Куплетова то ли есть алиби, то ли нет. Положим для начала – все же есть: он до утра резался в карты, а потом пьяный где-то шатался под дождем, оттого ничего и не помнит.

Значит, надо выяснить: с кем именно, где и до которого часу играл.

У меня алиби нет.

Любые Лидочкины показания – дело ненадежное. Особенно теперь.

Меня видели только уходящим – возвращения в номер, судя по всему, не заметил никто.

И немудрено: последний автобус ушел без чего-то двенадцать – время очень просто уточнить! – в эту пору в санатории либо уже спали, либо сидели по номерам, и на улице не было никого – лил дождь.

Подозрение против меня, конечно, слабенькое, концы с концами не сходятся.

И все-таки, и все-таки!..

А ежели нормально рассуждать, то вообще какая-то нелепица: ну, почему я вдруг решил, что санаторий, обитатели его – причастны к совершенному убийству?!

Только потому, что Лидочка работает здесь медсестрой? Так это чистая случайность, совпадение!..

Не будь ее, работай она где-либо еще, ни я, ни кто другой из санаторцев никогда б и не узнали о случившемся! Ну, может, слухи и дошли бы постепенно, но чтоб столько разом взволновать!.. Смешно!

В газетах часто пишут про убийства, но, как правило, мы все спокойны, вот в чем дело.

Может быть, и тут нет ни малейшей связи – просто мне так *интересней* думать, а на деле виноватых надобно искать на стороне?

Мне отчего-то хочется, чтоб виноватым был Куплетов...

Чушь! Он – колоритная, неординарная фигура, спору нет, но остальное...

Вот беда: понапридумал – и теперь цепляюсь и придумываю дальше...

Кто мне эдакое право дал?

Ведь Лидочка-то – здесь, а никого не обвиняет. И как будто не подозревает даже. Уж она, наверное, могла бы... Если б хоть чуть-чуть...

Нет, нужно непременно съездить в город – разузнать подробности убийства.

Потому что верить никому нельзя.

Болтают разное: и десять ножевых ран на теле, и разmozженный череп, и стреляные гильзы на полу, и убитая во дворе собака, и развороченная дверь в дом, и грабеж...

Откуда эти слухи, как сюда попали?

Ладно, решено: с первым же автобусом, после обеда, отправлюсь в город.

Надеюсь, в здешней милиции мой визит воспримут нормально – слава богу, уже не один мой газетный очерк понаделал шуму, да и выступления по телевидению запомнились, как следует из писем... Сюда прибавить надо и международные корреспонденции в центральной прессе – тоже, надо думать, не последний аргумент... И еще книжечка – о психологии насильника, воспитанного пропагандой...

Но Куплетов!.. Неужели у него какие-то преступные черты?! Ведь так непринужденно вел себя... И – нате вам!

Или и вправду я чего-то недопонимаю и сужу, как истинный профан в столь деликатном деле?

Куплетов спал сном праведника, на спине, вольготно раскидавши руки, и храпел нещадно.

Сразу бросилось в глаза, что створка шкафа на его, Невского, половине опять приоткрыта.

Свет, лившийся из окна, легко проникал в образовавшуюся щель, так что можно было без труда разглядеть начальное содержимое полок.

Интересные дела! Неужто – все по новой?..

Невский рывком распахнул створку до упора – нет, все вещи были на месте.

Он пожал плечами и закрыл шкаф, но тотчас заметил, как створка медленно, слегка приотворилась, с механическим упорством обнажая полки.

Вероятно, так было и вчера, и позавчера, и еще задолго до его приезда – просто с самого начала на такую мелочь он, увы, не обратил внимания.

Плохо, подумал Невский, запереть бы не мешало.

Но ключей не было. Да и водились ли они здесь вообще?!.

Книга, которую он взял с собой на отдых – «Двенадцать башен» Ли Юя, – валялась на тумбочке у изголовья, но читать сейчас не хотелось.

Невский допил свой вчерашний «Байкал», тихо выкурил сигаретку, вытащил из тумбочки новую, непечатую пачку и, сунув ее в карман, двинулся на выход.

Никакого конкретного плана действий не было, да, в сущности, и не могло пока возникнуть – просто тягостно и тошно было оставаться в номере, бок о бок с безмятежно почивающим соседом.

Конечно, неразумно и несправедливо раньше времени подозревать его – и все же!..

Разум в силах совладать с эмоциями, спрятать их поглубже, но от этого они не исчезают, вот в чем штука. А эмоции, сидящие под спудом, очень скверно действуют на организм и, главное, вредят работе самого рассудка...

Замкнутый порочный круг...

Куплетова будить он не стал.

Когда Невский уже шел по коридору, ему почудилось, что сзади кто-то пристально за ним наблюдает...

Он обернулся – одна из дверей, в длинной веренице прочих, слегка скрипнула и тотчас глухо стукнула, как случается при сквозняке.

В другой бы раз Невский так и решил: сквозняк гуляет – и ладно.

Но он знал, просто был уверен, что, едва только направится дальше по коридору, как его вослед начнут оглядывать, ощупывать и запоминать два недремлющих ока праведной Евфросиньи Аристарховны.

Ну и шут с тобой, старой, в сердцах подумал Невский, тебя мне еще не хватало бояться. Хотел бы я знать, скольким кровушки ты попортила за свою замечательную, отважную жизнь?! Давай, гляди! Наслаждайся!..

Лишь один нюанс – по причине сильного волнения и расстройства Невский упустил из виду в тот момент: его соседка по столу, Евфросинья Аристарховна, жила не на втором этаже, как он, а на третьем...

Только и всего-то...

Спустившись по лестнице, он пересек вестибюль, набросил на голову капюшон и толкнул парадную дверь.

До обеда оставалось достаточно времени, чтобы всласть нагуляться по размокшим аллеям, успокоиться и, главное, привести мысли в порядок, чтобы снова проанализировать события минувших суток и попытаться отыскать в этом деле хоть какую-нибудь, мало-мальски толковую зацепку.

Невский рассеянно глянул по сторонам.

На краю площадки перед главным зданием одиноко стоял милицейский «газик».

Никто из санаторцев не гулял.

Кругом было непривычно – как-то совсем по-осеннему пусто.

Только желто-синий «газик» на фоне отключенного – по случаю дождя – фонтана...

И еще – трое в милицейской форме, деловито поднимавшиеся по ступеням.

Впереди, сильно отмахивая, точно на параде, левой рукой, семенил невысокий крепыш в чине майора, на вид – лет пятидесяти, лысоватый, с приличным брюшком и кирпично-красной лоснящейся физиономией.

Позади него, громко цокая по мрамору подкованными каблуками, с угрюмым выражением на лицах и окаменелой целеустремленностью в глазах шагали двое подчиненных – худенький, чернявый, чуть сутулый лейтенант и здоровенный румяный сержант с роскошными пшеничными усами.

Невский ничуть не удивился появлению таких гостей. Это вполне естественно, сообразил он. Здесь же – Лидочка... Они должны были приехать сюда. Даже странно, что с таким опозданием...

Прежде чем спуститься по мраморной лестнице, мокрой и оттого сверкающей даже без солнца, он деловито распечатал пачку, достал сигарету, чиркнул старенькой зажигалкой, ладонью прикрывая язычок пламени от ветра, и, после нескольких безуспешных попыток все же закурил. Сделал несколько глубоких, обстоятельных затяжек, но капли дождя попали на сигарету, и она быстро погасла. Пришлось вытаскивать новую...

Милиционеры наконец гурьбою поднялись и поравнялись с Невским.

Двое сразу же прошли к дверям, а майор, шумно выдохнув воздух, вдруг остановился и привычно козырнул.

Невский, что-то промычав, приветливо кивнул в ответ.

В эти мгновения он снова был занят выяснением отношений со своей капризной зажигалкой.

Как и всякий, кто когда-либо работал в органах, он не питал к милиции особенных симпатий. Впрочем, эта нелюбовь была взаимной, хотя внешне все смотрелось очень хорошо.

– Так. Кто здесь Невский? – без лишних предисловий произнес майор, показывая Невскому свои служебные корочки. – Знаете такого?

– Х-м, еще бы! Вот он – перед вами, – отозвался Невский, ласково оглаживая бороду. – А что?

– В комнате убитого найден ваш нож... Прошу предъявить документы.

Глава 11

В директорском кабинете майор долго и придиричливо разглядывал паспорт Невского, его служебное удостоверение, его санаторную карту...

Там, на улице, про убийство и нож он сказал таким тоном, будто Невский изначально был в курсе всех событий и, главное, всем об этом хорошо было известно.

В принципе майор ничуть не ошибался, хоть и видел Невского впервые. Но подобное отношение, эдакая безапелляционность в разговоре раздражали...

Мог бы, черт возьми, и потактичнее, подумал Невский. Что я – бомж безродный из вонючей подворотни? Да и в этом обязан деликатней быть. Служака!..

Меж тем проверка документов завершилась, но майор зачем-то вновь раскрыл служебное удостоверение и, неотрывно глядячи в него, задумался надолго...

Судя по всему, он искренне недоумевал, как такой известный, уважаемый человек вдруг оказался замешан в этом диком преступлении. Зачем здесь очутился вообще – в таком-то, не по рангу, месте...

Однако же Невский и сам был в полнейшей растерянности, мягко говоря...

В номер его не пустили – оставили сидеть внизу, а двое милиционеров наведались наверх. Однако уже довольно скоро возвратились, не обнаружив ничего предосудительного. Да и откуда было такому взяться?! Если только сам Куплетов трепанул чего спросонья...

Но расчудесного массовика-затейника, как выяснилось, и след простыл.

И снова гаденькое, скверное предчувствие непроизвольно поднялось в душе...

Хотя, по совести, как смеет он кого-то без улик подозревать?!

Все эти умопостроения, предощущения не стоят и гроша. Пока, по крайней мере...

– Вы знаете своего соседа? – въедливо спросил майор. – Надеюсь, было время познакомиться получше?..

– К сожалению, нет. Так, встречались мельком. Два-три слова в основном.

– А почему?

– Такой уж у него житейский распорядок, – пожал плечами Невский. – Он здесь – ветеран, бывалый человек. Кому-то может показаться и в диковинку...

– Но только не вам, – хмыкнул майор. – Понимаю... Ну, а чем он вчера, например, занимался? Сколько-то вы виделись с ним, надо думать?!

– Сколько-то – конечно. Но не больше. Исключительно поверхностные впечатления... Вчера он появился только под вечер, ближе к ужину, потом опять ушел. В карты с друзьями играть. Он это дело уважает. Вернулся только утром, когда собрался уже завтракать. И сразу же лег спать. Кажется, он был... до крайности усталый...

– Вон как... – покивал майор.

– Но ему нельзя! – вмешался главный врач, сидевший здесь же, в кабинете.

– Что нельзя? – строго уточнил майор.

– Да пить – вот что!

– А почему вы вдруг решили? Нам товарищ... – майор быстро глянул в паспорт Невского, – товарищ Невский ничего об этом не сказал.

– Да, господа, и так все знают! – с раздражением ответил врач. – Когда больная печень! И не только... Там – букет болячек, надо от всего лечить!

– У него был день рождения, – пояснил Невский. – Сорок три года.

– Как будто это что-нибудь меняет! – возмутился главный врач. – А пятьдесят он будет где встречать? И с кем? Один, в могиле?!

– Позвольте-ка взглянуть на его санаторную карту, – попросил майор.

Он долго, как и прежде документы Невского, исследовал ее – с таким значительным и сопричастным видом, словно это было интереснейшее в мире чтиво, форменный бестселлер, и наконец вернул врачу.

– Действительно, м-да... – очень важно произнес он, и, что это должно было значить, так никто и не понял. – Да уж... И впрямь. Ну, мы к нему еще вернемся. Каждый этого достоин, – философически заключил он, исподлобья посмотрев на главврача. – Если понадобится... А пока поговорим о вас, – и он так же недобро уставился на Невского.

Тому это не понравилось, но виду он не подал.

– Собственно, о чем нам говорить? – немедленно осведомился Невский, совершая легкий выпад вперед своею бородой. – И ваше удостоверение еще не означает...

Тому, кто знал его манеры, это вроде бы простецкое движение могло определенно показать, что Невский не на шутку раздражен, почувствовал опасность и готов, при надобности, защищаться до последнего.

– Ах, вон вы как... Вам сразу надобно визитку на тарелке с голубой каемкой... – недовольно и с сарказмом произнес майор. – Вас в заграницах, я так понимаю, приучили... А мы – дома, дома! По-простому, значит... Ладно, я, конечно, извиняюсь, что не слишком деликатно...

– Это – наш начальник всей милиции! – восторженно и льстиво встрял директор санатория, сидевший здесь же, рядом с главврачом, и исключительно довольный до сего момента, что никто его не поминает и не тербит. – Майор Афионов. Анатолий Аверьяныч. Человек известный!

И в этом словечке «известный» с отчетливостью прозвучало: дескать, что же ты, дружок, сюда приехал, а таких вещей не знаешь, даже некрасиво...

– Мне майор уже показывал свое удостоверение, – небрежно кивнул Невский. – Так что я в курсе...

– И вы слышали о нем в столице?! – прошептал директор, натурально пораженный.

Он-то ведь хотел майору сделать комплимент – и только, а тут как бы получалось, что и вправду угадал...

Известное начальство – это плохо. С ним трудней договориться...

Директор принял это к сведению и мигом закручинился.

– Ну, Михаил Викторович тоже не последний человек на свете, – с невольным вздохом проговорил майор. – Имя на слуху... И вообще... Вы, Бонифатий Павлинович, учтите это!

– Как? Неужели? – ахнул директор, окончательно утратив все ориентиры. – Вот не знал... А с виду – такой скромный, без претензий... Что же вы не подошли ко мне? – с обидой глянул он на Невского. – Ведь я же не могу учесть все сразу... Может, вам не нравится что... Номер, например. Не нравится? Так мы и одноместную вам комнату нашли бы! Все удобства, тишина, покой... Какой вы странный!.. И заявочку писать не надо. Мы сейчас всё сделаем – в момент!

– Нет, погодите, – предостерегающе махнул рукой Афионов. – Вы сначала вникните, зачем я вызвал человека, а потом уж... Ублажить всегда успеется. А может, и нужды не будет никакой! Тут ситуация, извольте видеть... несколько пикантная... – Он повернулся к Невскому. – Сечете? Нам бы надо познакомиться поближе...

– Слушаю внимательно, – откликнулся Невский подчеркнуто любезно.

Ни в какие перепалки с местной властью ему сейчас вступать не хотелось.

И уж тем более с места в карьер качать права – вот это никуда не денется, такому дивному искусству за годы своей службы Невский обучился хорошо.

– М-да, очень странная история, – задумчиво начал майор. – Я бы сказал, злобная даже... Всё как-то так, не по-людски... Я ведь три раза видел вас по телевизору. И статьи читал – в газетах, в нашей ведомственной прессе... Понравилось, чего скрывать. Хотя не все,

не обессудьте. И – пожалуйста! Такой авторитет, а вот... На месте преступления – ваш нож. Чудовищно! Откуда, как туда попал?

– Но, Анатолий Аверьяныч, вы же знаете: у нас всегда был полный порядок. Ни воровства, ни хулиганств особых... – снова встрял директор санатория, горя немедленным желанием спасти репутацию вверенного ему заведения.

– Был порядок, – жестко отрезал Афионов.

– Ей-богу, тут какая-то накладочка! Поверьте! Может, кто что перепутал...

– Ну уж нет, – Афионов криво усмехнулся, – путаницы никакой здесь нет. А вот иначе ежели взглянуть... Тогда, признаться, многое наводит на, так скажем, фантастические допущения... Чувствуете? Не простой ведь человек приехал отдыхать – известный журналист, телеведущий, о нашем правосудии не раз писал... Такие люди в самой гуще норовят быть, где всего погорячей... Вы говорите, в санатории всегда порядок. А вот прибыл человек с общественным лицом – и нет порядка!.. Сразу же – убийство. Словно и не отдыхать и не лечиться к нам пожаловал товарищ Невский, а работать над какой-нибудь статьей, материалы собирать... Мол, началось – с того-то, а вот эдак – кончилось... Да только разве же он мог о преступлении заранее узнать? Не мог! Никто бы не сумел. А получается, что знал... Такие параллели. Не пойму.

– Вы на что намекаете? – совершенно ошарашенный подобной логикой, взбеленился Невский. – Да так можно что угодно с ног на голову перевернуть! Это же прямая подтасовка фактов! Даже хуже. Вы еще кому-нибудь скажите, что когда я был в Италии, а там как раз убили Альдо Моро, то и в этом деле я замешан, для того и прибыл, чтоб руководить на месте!.. Право же, смешно!

Он все никак не мог взять в толк, зачем майору вдруг понадобился этот балаган.

А в том, что это – безусловный балаган, дурацкий розыгрыш, нелепый фарс, сомнений не было. Иначе просто невозможно было сколько-нибудь внятно и разумно объяснить произнесенное Афионовым.

Не дети ведь сейчас здесь собрались, чтобы от скуки поразвлечься, попугать друг друга!..

– Я понимаю, чувство юмора – отменная черта, – с иронией заметил Невский. – А когда кого-то убивают, только шутка и способна навести на след убийцы.

– Нет, случившееся вовсе не смешно, – проигнорировав издевку, возразил майор и для чего-то снова принялся разглядывать санаторную карту Невского. – Смеется тот, кто смеется на суде. Вот это настоящий смех! Я его уважаю. А в нашем деле все пока довольно странно, не до смеху. Мне оно совсем не нравится. Поймите: найден нож, весь в крови, и на нем, верней, на его ножнах – аккуратненькая надпись: «Невскому – не Александру, но Михаилу»... Именно так у меня на бумажке и записано. Вот. Каково?! Вы – Михаил, и Невский – тоже. Всё, как говорят, точь-в-точь. А этим ножом, между прочим, нанесено без малого одиннадцать ран, из которых шесть – смертельные. Такое впечатление, что преступник, грубо выражаясь, спятил. Жестокое, бессмысленное убийство. Прямо тянет на сенсацию. Чтоб только заголовки разные... И, повторяю, Невский тут как тут. Не кто-нибудь!..

От изумления Невский лишь тихонько крякнул.

– Вы что ж, за сумасшедшего меня считаете? – невольно вырвалось у него. – Или за садиста?

– А я не знаю! – майор развел руками.

– Нет, позвольте-ка, позвольте, здесь у нас – не сумасшедший дом! – брякнул с возмущением директор санатория и посмотрел беспомощно на главврача. – Ведь правда, да? Здесь лечат по другому... профилю. Как так? И у товарища... э-м... Невского в путевке прямо сказано...

– Да кто же спорит?! – горестно вздохнул майор.

Тут Невский наконец решил, что пора брать инициативу разговора в свои руки. Хватит! Чересчур уж далеко зашел весь этот вздор.

– Отлично! Просто превосходно! – саркастически воскликнул он. – Вы, стало быть, считаете, что это я – организатор преступления? Его идейный вдохновитель или, может, даже главный исполнитель? Для того сюда и прибыл, чтоб, имея на руках необходимые готовые детали, все это дело в лучшем виде описать? Мол, полюбуйтесь, что у нас бывает!.. Сенсация, которая подстроена заранее, – так? Мы где живем, позвольте вас спросить? В Нью-Йорке, что ли? Или на Сицилии?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.